

50-летию областной
писательской организации
посвящается

ВСТРЕЧА В НОВОМ ВЕКЕ

Литературно-художественный сборник
(областные творческие семинары)

Кострома, 2011 г.

М.Базанков. Иллюстрация к сборнику С.Виноградовой «Облака над озером»

Литературно-художественное издание

© Составитель и редактор - М.Базанков, 2011.

© Костромская областная писательская организация, 2011.

I. ПАМЯТНЫЙ ПРОЛОГ

Леонид Попов

* * *

А Родина — вот, за порогом,
Где серым осенним деньком
Земля, что возлюблена Богом,
Вся убрана дивным снежком,
Где тучи так низко нависли,
Что холодом ломит висок!..
Просты мои тихие мысли,
И сердца замах невысок.
Но где еще встретишь такое —
Ты только отважься, представь! —
Чтоб неба коснуться рукою,
Всего — то и нужно — привстать...

* * *

Ах, какие нам грезилась яви
И какие прозрения жгли!..
Не до нас оказалось Державе,
Почивающей в теплой пыли.
И пока по московским курилкам
Мы искали явлениям связь,
Тут и там, матеря затылком,
Всюду нечисть жирела, плодясь.
Вот им нынче и явлены яви!
Сколь их нынче над нами — господ?..
Да на кой эта нечисть Державе?!
Ты подумай, подумай, народ...

Виктор Лапшин

Под кометой

Надоели мне вымыслы — бредни
Изощренного в слове ума!
Лучше вспомним давай, как намедни
Лютовала зазноба зима.

Как рассветная стужа, наглей,
Город зыбила сизою мглой
И слепая комета Галлея
Нависала над бедной землей.

Под хвостатым, под призрачным дивом —
Вдоль по уличным темным извивам
Молодайка бежмя да бежит!
Знать, нужда на нужде спозаранок, —
Под полозьями быстрыми санок
Шлак скоргочет, снег звонко визжит.

В пух удушливый глухо замотан,
Закулеман мальчоночка, вот он —
На салазках, родной человек.
...Жив ли, дышит ли — слушает робко,
Подоткнет одеяльце торопко
И опять приударится в бег!

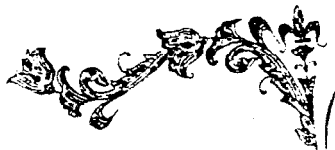
По горбам да по наледи катит, —
Хоровей полушалок косматит;
От морозу набрякла слеза;
На запястье отчаянно глянет,
На обочину в страхе отпрянет:
За спиной верещат тормоза...

В вихре — облаке черного смрада
Громыкает машинное стадо, —
Хоть в сугробе застынуть тебе!
Пес кидается чертом с панели!..
Руки — рученьки окоченели,
Саднит трещинка на губе.
Эх, сестренка! Грозны наши годы,
Но поверь же и ты горячо,
Что тому и даются невзгоды,
Кто их может взвалить на плечо.

Все обиды твои, укоризны —
Занесет очистительный снег...
За тревогами милой Отчизны
Мы тебя не забудем вовек.

1986

Вадим Кожин

«ОДИН ПРОГНОЗ МНЕ ВСЕ-ТАКИ ХОТЕЛОСЬ БЫ СДЕЛАТЬ...»

Разговор о поэзии, о рубеже веков и тысячелетий, о живописи, о музыке, об истории и современности... Россия по-прежнему богата на стихотворное, поэтическое восприятие мира, по-прежнему в России много хороших поэтов. Только путь их к читателям теперь долог, и скорее читателя находят поэтический хлам, чем истинное художественное слово.

— Вадим Валерьянович, всем очевидно, что поэты и писатели перестали к концу XX века быть властителями дум. Журналисты и политики занимают сегодня общественное внимание. Видимо, мы переживаем такой исторический момент. Как бы вы его охарактеризовали с точки зрения отношения общества к слову. Или история тут ни при чем, а дело в самом слове, в его глубинной таинственной жизни?

— Действительно, нельзя сравнивать тот интерес к поэзии, который был в 60 — 70-е годы, с тем, что характерно для наших дней. Интерес переместился, если угодно, в публицистику. Тогда внимание к поэзии во многом объяснялось не вниманием к поэзии, как таковой, а тем, что поэзия говорит обо всем. В том числе о политической жизни. И не случайно не такие уж крупные имена, как, допустим, Евтушенко, Вознесенский, не говоря уж о Рождественском, имели неслыханную популярность. Правда, в семидесятые годы произошло чудо — оказалось, что чуть ли не такую же известность обрел Николай Рубцов, которого никогда не рекламировали. Он единственный раз в своей жизни выступил по радио, никогда не выступал по телевидению. С моей точки зрения — это своего рода чудо. Какая-то поэтическая тайна. Так вот, интерес значительного числа людей качнулся в сторону публицистики, в широком смысле этого слова. Это

вполне естественная вещь, объяснимая тем, что в этот момент публицистика получила возможность говорить о чем угодно. И это привлекло людей. Такой прямой начался разговор с фактами в руках. А художественная литература... Когда-то Фейербах написал, что искусство не требует признания своих произведений за действительность. А у нас тут пошла такая действительность, такие катаклизмы... В общем, естественно на первый план вышла прямая публицистика, с прямыми вопросами, с прямыми ответами. Не надо думать, что уж так безнадежно упал интерес к поэзии. Просто то, что называется гласностью, нанесло ей очень большой ущерб. Сейчас поэтические книги выпускаются без всякой редакции. При этом появилась довольно забавная формула: «Издание выходит в авторской редакции». Так вот, из-за этого тяжелейшие последствия. Выпускается множество книг самых настоящих графоманов, людей полуграмотных. В некоторых больших магазинах целые прилавки завалены стихотворными сборниками, и я понимаю тех людей, которые не хотят их покупать, не хотят их смотреть. 90 процентов этих изданий неоправданные.

— Вы знаете, что смотреть.... Назовите последнее стихотворение, которое запало в душу, удивило, окрылило, поразило...

— Могу совершенно четко сказать, что одно из таких созданий в последние годы, стихи, которые, я убежден, если будут продолжать жить Россия и русская литература, станут классическим выражением поэтического осознания, поэтического осмысления жизни страны в эту эпоху — это стихотворение Юрия Кузнецова «Федора», которое исходит из известного присловья «Велика Федора, да дура».

— Где оно было опубликовано?

— Если мне не изменяет память, в «Нашем современном», а потом в недавно вышедшей книге Юрия Кузнецова «До свидания, встретимся в тюрьме» в издательстве «Современный писатель». В этом стихотворении очень глубокое осознание того, что происходит в стране.

— Вадим Валерьянович, а какие стихотворения XX века сейчас чаще других вспоминаются вам, стали, если можно так сказать, частицей вашего бытия?

— Таких стихотворений много, очень много. Начиная, если говорить о XX веке, с Иннокентия Анненского, Блока — и до нынешних. Лучше я скажу о чем-то одном. Последние десятилетия много говорят о судьбе русской деревни после революции. Говорят совершенно по-разному. Одни утверждают, что коллективизация была естественным процессом, который исходил из тысячелетнего существования крестьянской общины. Другие, наоборот, говорят, что было что-то чудовищное, не продолжение общины, а воссоздание «военных поселений», организованных Аракчеевым. А вот есть несколько стихотворений Николая Ивановича Тряпкина, который все это пережил. Стихотворений глубоких, удивительных, объективных. Ни один историк так верно и полно об этом не скажет, как это сделал Николай Иванович. Назову такие его проникновенные стихотворения 1960 — 70-х годов: «Скажем так, земля ждала привала...», «Степан», «Девка мылася да белилася...», «Притча о Ваньке-однолишнике», «Стихи про одну сходку», «Стихи о Николае Клюеве».

Разумеется, коллективизация была трагедией. Но у нас никто сейчас не задумывается над тем, что трагедия — одна из высочайших категорий человеческого бытия вообще. Само бытие человека — и любого народа, и отдельного человека — всегда есть трагедия. Совершенно ясно, что все в мире конечно, что все смертно. Поэтому, когда противопоставляют трагедии какое-то сытое, комфортное бытие, это нелепо. Бытие человека и человечества, в глубоком смысле, — не идиллия, а трагедия. И великая поэзия — от Державина до наших дней — говорит именно об этом.

— Согласны ли вы с утверждением философа С.А. Алексеева-Аскольдова, который писал: «Стихи очень помогают научиться правильному взгляду на все бытие. Лучше всяких философий и лучше целых библиотек».

— Я согласен, но вот только при том условии, что человек, который воспринимает стихи, духовно готов к этому. Очень хорошо подготовленный человек действительно может воспринимать поэтическое творение как высший акт переживания действительности. Вот в этом отношении Аскольдов прав.

— Сейчас многие пытаются заглянуть в будущее, на рубеже веков и тысячелетий. Что касается поэзии, разные

есть точки зрения на ее дальнейшее развитие. Вот я что прочитал у Василия Казанцева: «Человечность и поэзия — понятия почти тождественные. Так что, если общество нравственно обновится (а я верю в это), то и поэзия не отомрет, а, наоборот, станет еще более нужной людям.»

— Здесь я в одном не совсем согласен с Василием Ивановичем, в том, что общество обновится, оздоровится, станет нормальным и т.д. Это, с моей точки зрения, чрезмерно оптимистический взгляд. Ни одна религия никогда не обещала райа на земле. Рай на земле обещали только поверхностные утописты. Правда, без этих утопий, что возможно устроить рай на земле, люди едва ли могли бы совершать какие-то грандиозные движения. Покойный Лев Николаевич Гумилев вообще считал, что человечеством движут иллюзии, иллюзии заведомо нереальные, но тем не менее во имя их и совершается вся жизнь.

Я люблю вспоминать, как Достоевский прекрасно сказал: когда последний человек придет на последний суд, его спросят: зачем вы, люди, жили на земле — он может вместо ответа — я не точно цитирую, но смысл передаю точно — вместо ответа он может молча протянуть «Дон-Кихота» Сервантеса: вот мое суждение о жизни. Вы сами понимаете, кто такой Дон-Кихот. Можно в известном смысле сказать, что все человечество и есть такой Дон-Кихот. Но я не вижу в этом ничего унижительного. Я вижу в этом величие человека. Он действует так, как будто он бессмертен. И каждый думает, хотя каждый по разным причинам, что с ним будет после смерти.

— Вадим Валерианович, мы будем переживать, даст Бог, момент перехода из одного тысячелетия в другое. Как вы думаете, это только цифры, только иллюзия тоже или нечто большее?

— Я думаю, что это, конечно, иллюзия. Ну что такое этот отсчет — это искусственно. Люди так стали считать. Но дело в том, что это оказывает обратное влияние, и это уже не иллюзия. Кто сознает, чувствует нынешнее время как переход из одного тысячелетия в другое — для этих людей это уже реальность. И будет иметь большое значение для них.

— Как вы думаете, чем этот переход может быть отмечен в поэзии?

— Не очень люблю делать прогнозы. Это, знаете, удел молодости. Если бы я был лет на тридцать моложе, я бы столько прогнозов дал, но сейчас... Но вот один прогноз мне все-таки хотелось бы сделать. Мне представляется, что то, что люди отшатнулись от поэзии, как бы отошли от интереса к поэзии и перешли к публицистике — это временное явление. Думаю, что с наступлением нового тысячелетия, о котором вы говорите, произойдет какое-то возрождение.

В России интерес к поэзии не может исчезнуть. Надо отдавать себе ясный отчет, что Россия в этом смысле уникальная страна. Всем хорошо известно, какие мизерные тиражи поэтических книг в других странах. Иностранцы поражались тиражам наших сборников. И речь не только о модных поэтах. Например, такие элитарные поэты, как Тютчев и Фет, поэты для немногих, десять, пятнадцать лет назад выходили у нас миллионными тиражами. Если бы они могли воскреснуть, они были бы потрясены. Тютчев бы сказал, что как он был прав, написав: «Нам не дано предугадать, Как наше слово отзовется...»

— Вы в свое время издали замечательную книгу «Стихи и поэзия», в которой красной нитью проходит мысль, что настоящая поэзия рождается как другое бытие самой жизни поэта, как ее продолжение в стихе. Книга вышла пятнадцать лет тому назад. Мне бы хотелось, чтобы об этом вы еще раз сказали молодым, вступающим в литературу на рубеже нового века, на рубеже тысячелетия.

— Мысль это не моя, ее можно найти в какой-то форме чуть ли не у каждого поэта.

— Но вы ее заострили.

— Это довольно сложное понятие. Нельзя понимать как-то упрощенно. Речь идет о верности себе, а не только верности времени. Иногда говорят: поэт должен быть верен времени. Или, предположим, он должен думать о вечности. Нет. Думаю, что жизнь поэта сама по себе должна представлять определенное творение. И когда начинаешь изучать жизнь истинного поэта, обнаруживаешь, что есть некая внутренняя закономерность и объясняется она тем, что в конце

концов поэт (я имею в виду лирического поэта) единственный представитель искусства, который создает произведение, в сущности, из само го себя. Скажут, создает из слова. Но это внутреннее слово, которое совершается в нем и которое неотделимо от его поведения, в широком смысле слова.

Думаю, что для поэта чрезвычайно вредны продиктованные какими-то внешними условиями отступления. Когда человек позволяет себе какой-то поступок, он может думать: вот сейчас я сделаю что-то не то, но потом я исправлюсь — а дело в том, что раз он себе разрешил, это уже определенный надлом...

— А кто, вы считаете, из русских поэтов этого века не был до конца верен себе и поэтому его судьба как большого поэта не состоялась?

— К сожалению, таких поэтов очень много. Допустим, одаренным человеком был Николай Асеев, но он не выдержал этого поведения. И поэтому его вклад в русскую поэзию, не думаю, что значителен.

И вот в этой связи я хочу сказать молодым поэтам. Они должны понять, что вообще-то людей, у которых есть основания для поэтического творчества, очень много. Скажем, гораздо больше, чем людей, у которых есть предпосылки для изобразительного искусства. Потому что тут надо иметь определенные природные данные — совершенно особенное зрение, которое позволяет воссоздать то, что видит глаз, какая-то определенная связь глаза и руки. А возможность стать поэтом есть у очень многих людей — и то, что становятся единицы из тех, у кого были предпосылки, — объясняется тем, что для поэта необходимо это самое поведение. Не выдерживая его, живя небрежно, не думая о том, что, как писал когда-то еще Карамзин: знай, что если ты зол, то это будет в твоём произведении против твоей воли, так вот, не думая об этом, поэтом не стать. Значительным.

— Вадим Валерьянович, как вы думаете, почему многие почитатели поэзии как бы не замечают, не воспринимают стихов Тарковского, Бродского, Чухонцева... Многие не могут понять, за что их возвышают.

— Во-первых, я бы сразу отделил от этих имен Чухонцева. Это истинный поэт. Хотя лучшие свои вещи он написал

в 60 — 70-е годы. Потом, может быть, у него наступил кризис. Так бывает. А вот что касается Тарковского и Бродского, то во многом их репутация — я не хочу сказать, что это люди бездарные или что в их стихах нет поэзии — я не хочу этого сказать, но думаю, что созданная им репутация не соответствует реальной ценности стихов.

Что касается Тарковского, я вижу в его стихах искусственность и вторичность. Кстати, очень характерно, что даже люди, его восхваляющие, как правило, стараются сказать: вот он соткал свои стихи из Заболоцкого, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой... И в самом деле, это что-то среднестатистическое из названных выдающихся поэтов. Может быть, для какой-то категории читателей это как бы более доступно, чем стихи тех, великих, у которых первичная основа. И есть на его стихах какая-то печать графоманства. Я не хочу полностью перечеркнуть, но есть, с моей точки зрения, огромное несоответствие между созданной ему репутацией и реальным значением написанного. То же касается и Бродского, хотя это другой человек, который, наоборот, стремился, если угодно, как-то выйти из пределов поэзии — он обильно вводил в стихи просторечия и т.п. В этом я вижу попытку выйти из канона и тем самым чего-то достичь. Хотя на самом деле этим достичь ничего нельзя. Вообще-то, в стихотворении может быть что угодно. В прекрасном стихотворении Пушкина «Телега жизни» есть вообще даже нецензурное слово, но его как-то даже не замечаешь. А вот что касается Бродского — у него это выходит на первый план. В истинной поэзии, когда мы ее воспринимаем, мы вообще не думаем, какими средствами она создана. Если говорят: «Ух, какая метафора!» — это значит, плохое стихотворение или посредственное. Должно восприниматься не слово как таковое, а нечто, что живет в слове, какая-то внутренняя сила. В конце концов какой-то гул, как говорил Маяковский...

Бродский... Он, конечно, человек даровитый, но его эссе гораздо интереснее, значительнее его стихов. Мне могут возразить про Нобелевскую премию. Я некоторое время назад опубликовал статью «Нобелевский миф», где показываю, что эту премию ни под каким видом нельзя считать чем-то объективным. Начать с того, что она не была присуждена

Толстому. Это еще можно как-то оправдать: премия европейская скандинавская, а писатель русский. Но премию не присудили и Ибсену. Причем почему не присудили — он был антидемократичен, видите ли. Я в своей статье показываю, что только одна из трех премий увенчала писателя, который действительно заслуживает этого, а если брать поэзию, то одна из четырех.

— Вадим Валерьянович, чтобы полнее понять ваши литературные оценки, хочется спросить у вас: что вы любите в изобразительном искусстве, в музыке, театре? Это, я думаю, особенно интересно людям, которые давно читают ваши книги и статьи, но нигде не встречались с такими откровениями.

— Ну, видите ли, я не считаю себя профессионалом в этих областях. Литературой я занимаюсь уже полвека и смею, решаю себе считаться здесь профессиональным человеком, подготовленным. Вы выбрали точное слово — что, мол, я люблю или, выражаясь менее высокопарно, что мне нравится.

Я чрезвычайно высоко ценю русскую иконопись. Конечно, Андрей Рублев и Дионисий. Это величайшие явления. Но русская живопись XVII — XIX веков в моих глазах значительно уступает живописи многих европейских стран — Италии, Испании, Нидерландов и даже Франции. Какой-то выход на мировую арену совершается уже в XX веке. Я очень высоко ставлю Нестерова, Кустодиева, Врубеля. Если говорить о дальнейшем, то — Корин. Что касается музыки, я совершенно музыкально не образован, не обладаю музыкальным слухом. Хотя в молодости сам много пел под гитару, имел успех и, представьте себе, моему пению посвящено много стихотворений, начиная с Передреева, Соколова, Кузнецова... Но это не искусство: это чисто жизненное явление. Русская жизнь немыслима без песни. Именно жизнь. Песня вылетает в жизнь. Сейчас есть ряд певцов, которых я высоко ценю. Александр Васин, великолепный певец. Виктор Верстаков, возродивший офицерский романс. Я не говорю уже о такой певице, как Татьяна Петрова — это феноменальное явление. Потом известный вам Николай Тюрин. Что касается классической музыки, здесь бы я не хотел о чем-либо судить. Хотя часто слушаю какие-то вещи и готов слушать еще и еще.

— Вадим Валерьянович, теперь вам вопрос как историку. То, что происходит сейчас в России, неминуемо должно было происходить, это проистекает из исторических предпосылок или тут все определяет некая человеческая воля?

— Нет, это, конечно, абсолютно неминуемо. Более того, в том, что произошло, есть громадная позитивная сторона. Дело в том, что после любой революции — возьмем Английскую XVIII века или Французскую — происходит гигантское разочарование в результатах революции и наступает то, что историки давно определили словом Реставрация. Хотя это вовсе не означает возврата к старому. Это попытка нечто противопоставить самым крайним результатам революции. Революция всегда заходит дальше того, что было в ней как бы запланировано, запрограммировано.

И самое-то главное, что власти не понимают, что нельзя отменить результаты революции. Бесперывные заявления, что они строят капитализм, до ужаса глупы. Потому что, во-первых, строить капитализм нельзя, можно строить социализм. Так же, как нельзя создать рынок. Либо он есть, либо его нет. Во-вторых, неотвратимость революции 17-го года выразилась в том, что на выборах 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Государственной думы каждый раз правительство предпринимало усилия, чтобы в Думу прошло как можно меньше левых и радикальных элементов. Тем не менее каждая Дума оказывалась оппозиционной. Каждая Дума хотела свалить правительство. А ведь правительство как бы назначалось из самого себя, царь его назначал и ближайшие его люди, сидевшие в Петербурге. А Дума все-таки избиралась страной. И это именно говорит о том, что революция была неизбежной.

Сейчас мы наблюдаем совершенно обратное явление: каждая Дума выступает против так называемого курса реформ. Совершенно ясно — по Думе — что страна против этого «строительства капитализма». В глубине сознания люди понимают, что это путь бесперспективен, что он ничего не даст, кроме разрушения.

*Интервью вел Геннадий Иванов
«Роман газета XXI век»*

**ПРИНЯТЫ В
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
(2006-2010 гг.)**

*«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битья,
Мы рождены для вдохновенья,
Для сладких звуков и молитв».*

А.С. Пушкин

На этой дороге

Не затмить, не выразить, не объять,
Все сравнения с тобой ничтожны...
Пред тобою, Россия — мать,
На коленях лишь и стоять
С покаянной слезой возможно.

Грудь в крестах ли, в перстнях перста?
В рваном рубище — рёбра голы?
Не за пазухой у Христа —
На твоём молоке взрастал
Люд честной, на твоих глаголах...

Дико буйствовал, круто жил,
Но, однако, в земные тверди
Сеял зёрна не плевел — ржи,
И России, как сын, служил
Верой, правдой — до самой смерти.

Не геройствовал — так уж шло...
С малолетства — мозоль к мозоли.
Конь из плуга да под седло,
Чтобы ветром щеку ожгло,
Чтоб хлебнуть, будто лиха — воли...

А просторы твои — в намёт,
Хоть табун загони — нет края,
И неведом, неясен брод,
И не воду — столетья пьёт
Под тобою твой конь, играя.

С чем сравнить тебя, с кем — скажи?!
Путь тернистый венцом мессии
Поперек всей судьбы лежит...
...чёрный ворон кружит, кружит
Над твоей головой, Россия.

* * *

По местам до боли знакомым,
Мне прописанным на роду,
Как на встречу с детством и домом
До деревни своей иду.

От реки близкий путь спрямляя
И невольно смягчая взгляд,
Напрямик, не спеша, шагаю,
Будто...множество лет назад.

А дорога, да что там, право —
Даже малой тропинки нет.
Только в пояс густые травы
Одинокий скрывают след.

Но не в радость, пожалуй, этот
Отцветающий перестой —
Благодатнейшие рассветы
Жгут студеной траву росой.

«Барский сад» над горою в прошлом,
В солнцепеке минувших лет.
Так мечтается о хорошем
И не верится — сада нет.

Сада нет... И почти деревни,
Кое — где вкривь да вкось дома,
Одинокое стоят деревья,
Пережившие терема.

Тишина... И до боли жутко
Слышать, будто свистящий кнут,
Как садятся дикие утки
На заросший в деревне пруд.

Ах, деревня — краса и жалость,
И упрек нам великий всем,
Откосилась ты и отжалась,
Отзавотилась... насовсем.

* * *

Какая тишина! Какой покой!
С распахнутой душой, как у распятыя,
Наполненный вселенской благодатью,
Стою один над медленной рекой.

И время тает... Воздух свеж и чист,
Горит закат безоблачно и ало.
В полудремотном вздроге краснотала
Почти недвижим узкобедрый лист.

Рыбачья лодка, будто древний струг.
Простор земной не охватить руками.
И в зеркале воды под облаками
Гуляют стаи заповедных щук.

И время тает... В развороте крыл
Парящей птицы — чувственность покоя.
Траву, отяжеленною росой,
Закатный луч, как тихий вздох, накрыл.

И впору землю осенить крестом,
И пасть в ее объятья на колени.
Я горожанин в первом поколеньи,
Но из крестьян ушедших — во втором...

Такая благодать у русских рек,
Идешь сюда, как в тихую обитель,
Как будто бы в последний раз увидеть.
...И время тает.
Век сменяет век.

31.XII.2001 г.

Этой ночью не спать, а сидеть и сидеть при свечах,
Стать свидетелем тысячелетней развязки...
Видеть — стрелки часов, как рукой палача,
Разрубаят века на отдельные части и связки.

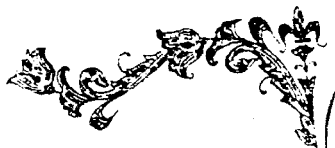
Это лобное место, последних мгновений приют,
Бой курантов — двенадцать ударов набата,
Здесь в волнении тысячелетья встают
И склоняют главу на блестящую твердь
циферблата.

Где — то спит двадцать первого, нового века, росток,
Мир еще не поделен на «было» и «стало»,
Но меж прошлым и будущим на волосок
Расстояния, времени и... ничего не осталось.

Кротко, ало и трепетно тихое пламя свечи,
Запах хвои и воска над миром струится,
Тишина во всю силу безмолвья кричит
И гуляет волной посреди очевидцев

Снежно, лунно и тихо. И тише того... И уже
Новым годом неистово бредит застолье —
Этой ночью всяк сущий и млад, и блажен
Полночь встретить готовится хлебом и солью.

Век — младенец, как странна, как дивна твоя немота.
Ты лишь чуть, лишь едва приоткрыл свои шторы.
Бой курантов! Двенадцать ударов! Черта,
.....за которой.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОМ ВЕКЕ

Когда я готовил к публикации книгу «Иванковицкие страницы», то перетряхнул и старые вырезки из газет, и пожелтевшие общие тетради, и записные книжки, которые когда-то сопровождали меня в пути. Дошла очередь и до блокнота, хранящего записи о поездке на Дальний Восток в 1983 году. Сразу скажу, что мне очень хотелось увидеть этот край. Родился я в «кондовой» Руси, в сотне верст от Костромы, служил на флоте за Полярным кругом, гостил на Кавказе, побывал в составе партийной делегации (во времена СССР) в Польше. То есть, я видел и айсберги, и «армянский гора», как окрестил Арарат спутник-грузин, и мало чем отличающиеся от наших польские березовые рощи, где стоятobeliski с пятиконечными красными звездами. А вот Восток оставался для меня «белым пятном». И в 1983 году, который запомнился в мире тем, что наш летчик сбил южно-корейский пассажирский самолет, моя мечта сбылась.

* * *

Самое неинтересное путешествие, на мой взгляд, самолетом. По крайней мере, нечего описывать кроме спутников или попутчиков. Час с небольшим — и мы уже не в Костроме, а в Москве. В столицу нас доставил маленький десятиместный чехословацкий самолет. От Москвы до Благовещенска (Амурская область), куда мы с женой и пятилетним сынишкой отправились в гости, лету восемь часов, тоже не так уж много, учитывая расстояние. Правда, сверх расписания просидели в Красноярске два часа. Нашли и устраняли какую-то неисправность в самолете. Интересно, что из Москвы мы вылетели при температуре плюс 27, а Красноярск нас встретил всего тремя градусами тепла. А если учесть, что на время ремонта нас попросили покинуть борт, то, околавываясь в здании аэропорта, затем в «накопителе», пассажиры основательно замерзли. Аэропорт имел

какой-то неопрятный вид по сравнению с московским «Быково». Или сказывается то, что он переваливает состоятельную, но, скажем так, «неиспорченную» культурой публику: золото-и алмазодобытчики, геологи, сезонные рабочие. Тут отбили плитку, там нацарапали ругательство, в туалете — пустые бутылки.

Наконец-то наш ТУ-154 «подлечили» и он поднялся в воздух. А уже пустили слух, что дальше мы полетим на другом лайнере. И пошел другой слухок: исправили, наверное, кое-как и неизвестно, где приземлимся. Но мы долетели, и Благовещенск встретил нас солнечным теплым утром, ближе к полудню термометр уже показывал плюс 23. В самолете прошли некоторые формальности с пограничной службой (проверка документов), поскольку город закрытый. В аэропорту встречала машина, которая и помчала нас в город.

Надо сказать, что мы летели с запада на восток, навстречу солнцу, а рассвет встретили еще на подходе к Красноярску. Когда нас принял Благовещенск, в Москве было 2 часа ночи. И это все воспринималось нормально. Как-то хуже влияла смена дня и ночи на обратном пути. Мы вылетели из Благовещенска поздним вечером и все время летели в ночь, убегая от рассвета. И это очень действовало на нервы: когда же, наконец, увидим солнце? Между двумя перелетами произошло наше знакомство с Амуром, дальневосточными достопримечательностями.

* * *

На маленьком теплоходе «Москва» мы катались по Амуру под песни В. Высоцкого и А. Пугачевой. О великом всегда говорить трудно, недаром же подмечено: ни пером описать. Вот и Амур мне не хотелось бы сравнивать с Волгой. Наша неторопливая равнинная река с гигантскими водохранилищами впечатляет не меньше, но Амур на фоне скалистых сопок выглядит более сурово и экзотично, его течение стремительнее. Река пограничная, разделена по фарватеру. Периодически патрулируют в своих водах пограничные катера. Те и другие плавают под красными флагами. На противоположном берегу — китайский город Хейхе. В нем навскидку можно насчитать несколько десятков кирпичных

труб. Как мне пояснили, они остались памятниками «большому скачку» в 70-х годах, когда выплавкой чугуна занималось поголовно все население. Потом выяснилось, что трубы теперь убрать не так-то просто. Вот и дополняют они городской пейзаж.

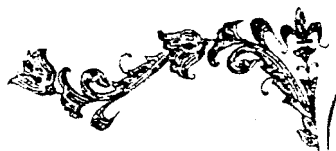
...Китайцы заходят прямо в воду полоскать белье, некоторые машут нам руками, приветствуют. Недружелюбных жестов и лиц я не увидел. Через некоторое время от китайского берега отчалил колесный пароход типа «Севрюги» из кинокомедии «Волга-Волга». Когда-то наши власти подарили корабль наследникам Мао. Публика вся висела на его борту, обращенному к нам, отчего судно сидело в воде «набекрень». Когда «Севрюга» разворачивалась, любопытные китайцы живо перебежали на другой борт, и глазели на наш берег. Мы с таким же любопытством смотрели на них. Хотелось бы, конечно, побывать и в китайском городе. Но... после известных пограничных конфликтов (всем еще был памятен остров Даманский) не скоро наладятся отношения. Хотя и враждебными их назвать нельзя, судя по улыбкам на том и другом берегах.

С середины Амура замечательно смотрится бетонная набережная, которая является одновременно и фортификационным сооружением. Строились береговые укрепления в виде старинной крепостной стены с башнями, а в каждой — дот. Жутко представить, как могут ударить по реке, в упор, из многочисленных бойниц пулеметы. Строил укрепления в Благовещенске, как мне рассказали, генерал Д. Карбышев, который попал в плен к фашистам и за отказ с ними сотрудничать был живьем заморожен. Памятником ему остались и благовещенские укрепления, которые, конечно, не сравнить с Великой китайской стеной, хотя назначение у них одно — обороняться от врагов. А ими могут стать вчерашние соседи. Кстати, один из брошенных дотов, который находится на сопке, мне показали. Здесь, вероятно, играют в войну ребяташки. Почти полвека прошло, а дот как новенький — вот как добротнo все делалось в советские времена, которые сами же мы потом и охаивали, не жалея чернил.

...Через две решетчатые двери попадаем в полумрак бетонного колпака с толстенными стенами. Звуки очень гулко

повторяются. Не случайно по стене вкруговую идет углубление, которое, как я узнал, забивалось лебединым пухом. Иначе во время стрельбы под куполом можно было оглохнуть. Вот так на белом свете уживаются, казалось бы, несовместимые вещи — угрюмый бетон и лебединый пух.

... Плавание по Амуру было ознаменовано встречей с баржей «Кострома». Привет, землячка! Амурские волны где-то сейчас качают пассажирский теплоход «Адмирал Невельской». Имя этого путешественника здесь особенно уважают — он первооткрыватель дальневосточных территорий. А ведь адмирал тоже костромич. Здравствуй, знаменитый мореход, поклон тебе от родимой земли!

Павел Мельников

* * *

Гуляют ветра по России,
Тревожно гудят провода.
Просторы свои снеговые,
Печали свои вековые
Россия несёт сквозь года...
Немилостив к нам, её детям,
Всесильный, всеведущий Бог —
Неважно живём мы на свете
На стыке двух тысячелетий,
При сломе одной из эпох.
Мы, лихо разделавшись с прошлым,
Куда — то бредём наугад,
Привычно (как в сломанном прошлом)
Мечтаем о жизни хорошей
Хотя бы для наших внучат...
Похоже, придётся и ныне,
(в котором по счёту году?!)
В сомненье, смятенье, унынье
Брести, как по топкой трясине,
Ползти, как по тонкому льду.

Визжит по чьему — то сигналу
Вещающе — пишущий сброд:
— Упала Россия, упала!
И если ещё не пропала,
То скоро совсем пропадёт!
В раж входят, аж лезут из кожи!
Уймись, полугоспода —
История всё подытожит,
Нас, робких, не станет, вас — тоже,
Россия пребудет всегда!

* * *

Над полем чайка белая летала,
Над чистым полем, от воды вдали,
Она, махая крыльями устало,
Кружила молчаливо у земли.

А я не знал, тому ли мне дивиться,
Что вдалеке от стаи, от реки
Крикливая и взбалмошная птица
Молчит, натуре явно вопреки,

Тому ли, как потерянно и вяло
В пологие входила виражи,
Как боязливо голову вбирала,
Косым крылом почти касаясь ржи.

А зной — волной над рожью, над пшеницей
А колос — аркой над глухой тропой.
Не кажется тебе, чудная птица,
Мы в этом поле лишние с тобой?..

* * *

Ночь. Автобус. В соседях — Федя.
Всю — то жизнь он провёл в труде...
Он спросил меня: — Где мы едем?
Я ответил: — Не знаю, где...

г.Волгореченск

Анатолий Смердов

ЗВЕРИ

Последние четверо жителей покинули деревню Ванеево прошлой осенью. Сиротливо стоят двадцать еще добротных домов, конюшня, склады, да уже расхристанная ферма на угоре. Жизнь здесь замерла лет десять назад, когда ликвидировали коров и перестали пахать землю. Исчезают под наступлением кустов и подлеска сельхозугодия, отвоеванные предками больше века назад у тайги невероятным трудом. Лес был и снова будет. Мелкое лесное зверье уже без опаски бродит улицей.

А вот что рассказал недавно знакомый охотник: «Люблю эти места, предпочитаю всем другим во все времена года. Этой весной ходили с двумя товарищами на мелкую дичь. Шли от деревни Зайчата (тоже нежилой), только миновали речку Хвостиху и буквально в сотне метров от нас из леса на поле выскочил мощный лось-самец с густыми ветвями рогов. Мы встали в перелеске. Вслед за ним, чуть поодаль и ближе к деревне, вымахнули еще два — лосиха с лосенком-сеголетком. Минуты через две возникла на опушке леса и громада четвертого. Первые трое кинулись полем к ферме. Тут мы и сообразили, что к чему — идет охота, а четвертый, которого по габаритам сначала приняли за лося — огромный медведь.

Охочусь не первый десяток лет, но таких экземпляров видеть не приходилось. Жаканом из ружья его не взять, не оборониться, а нарезного оружия нет.

Застыли мы, как вкопанные. Ветерок дул от нас и, уловив людской запах, медведь развернулся и потрусил, неспешно переваливаясь, в свои владения. Перевели и мы дух. Лоси же, тоже почуяв нас, вновь ударились в лес.

Закурили, преодолевая стрессовое состояние. И тут раздался короткий трубный звериный рык и протяжный предсмертный крик лося. Кого-то из них медведь все-таки «заломал», детеныша, скорее всего, а может и лосиху. В лес

решились углубиться через километр от того места, на другой стороне Ванеевцев, по дороге к бывшей деревне Мартьяновцы. Уже за ней, у речки Мочишны, обнаружили многочисленные лосиные следы и всюду рядом отпечатки крупных медвежьих лап. Значит, выслеживал он их давно и не близко. Подмывало на обратном пути зайти на место кровавого пиршества, но не решились».

ВОЛКИ

В нашем лесном крае волки периодически дают о себе знать, то увидят их на опушке леса, то они у деревень наследят, бывает, и собачек приберут. А в 50-60-е годы было их много и действовали они довольно нагло.

Впервые утробный животный вой привелось услышать летним вечером. Шли с мамой на другой конец деревни. Она несла на руках моего маленького братика, я трусил рядом. Низкая, однотонная и первобытная нота «у-у-у» выстилалась из пойменного, глухого леса от речки Хвостиха. Даже мать вздрогнула и остановилась. Еще не понимая, что это, я почувствовал леденящий страх, вцепился в мамину руку, вжался в подол.

Позднее бывал волчий хор и с молодыми подголосками, наводя уныние на окрестные деревни. Бабы, собираясь вместе, говорили: «Лешой их унеси, вот перед войной также выли». Повторялось это года два-три, облюбовали звери место и логово. Не проходило лета, чтобы волки не пакостили, промышляя в основном овец как из колхозного двора, так и домашних, бывало и телят зарезали. Пострадали однажды и мы. Сестра пасла овец по крутым берегам логов и речки. Волк по низинам подкрался из леса, завалил и загрыз суягную овечку соседей. Все оружие — девчоночий пронзительный визг. То ли хищник испугался, то ли добычу не смог унести. Но убыток пришлось возмещать, — не уследили!

Следующая встреча со зверем была уже во время учебы в школе. В лютую январскую стужу матерый волчара увязался за Пальмой. Собака была крупная, гончей породы. Хозяин ее, дядя Плюснин, похаживал с ружьишком в лес.

Пальма «заневестилась». Владелец, чтобы не иметь дурного потомства, закрыл ее под веранду, где она и продолжала призывно поскуливать. Сын Витька, пожалев животину, в одну из ночей открыл дверь и выпустил пленницу на волю. Инстинкт продолжения рода погнал собаку почему-то к лесу, где и встретилась с ухажером, лобастым серым самцом. Был он одиночкой, иначе стая разорвала бы ее. Волк забыл про осторожность, пренебрег опасностью людского жилья, последовав за «дамой» в село, к дому и под веранду. Дело было под утро, и хозяева уже собирались вставать, как забила и заорала в хлевах скотина. Схватив фонарь, хозяин бросился в ограду, тут и уловил звериный взрык за открытой дверкой. Моментально сообразив, что к чему, прихлопнул и подпер дверь колом, побежал к другому охотнику — учителю Антону Григорьевичу Зайцеву. Вооружившись, отбросили кол и стали ждать у распахнутой двери, когда зверь выскочит. Но тот затаился в угол и только рычал, сверкая глазами, да визжала Пальма. С полчасика прождали на жгучем морозе безрезультатно. Потом Плюснин впихнул под веранду фонарь, а Антон Григорьевич жахнул по зверю из обоих стволов, сразив наповал. Волка очинили для предъявления шкуры на последующую премию за отстрел, тушу вытащили на косогор и поставили в снег для обозрения. А Пальма осталась жива-здоровая и потомство имела, но не от этого неудавшегося кавалера...

Последний раз видел волка в юности, в конце шестидесятых. Уговорились с дружкой из соседней деревни идти вечером в кино. Прошел часть пути, метрах в ста увидел неспешно трусившую крупную собаку, но хвост ее почему-то висел поленом. И тут в сознании сработало: «Да ведь это волк!» Мурашки пробежали по спине. Остановился, включил фонарик (февральские ночи темные). А волк шел по своим делам из леса; пересек дорогу, миновал скирду сена и скрылся в перелеске, не обратил на меня абсолютно никакого внимания. Тем не менее, желание идти дальше пропало.

п.Вохма

Наталия Муסיнова

* * *

Я благодарна судьбе за подарок.
Многие скажут: «Нашла чем гордиться».
Да, Кострома мне обителью стала,
Не Петербург, не Москва — не столицы.
Провинциалкой останусь навечно,
Мне тяжело в суете горделивой.
Здесь как — то просто и как — то сердечно,
Даже ряды белоснежно — стыдливы.
Тихо пройдуся по дорожкам картинным,
К Волге сверну по цветочной поляне,
Рядом — аллея деревьев былинных
В искренне — ярком небесном сиянье.
Где — то вдали пароход молчаливый
Сказочной птицей вспорхнёт и погаснет,
А на причале девчушка игриво
Белым платочком его будто дразнит.
Лестницы вниз заросли невозможно
Нежной травой и ромашками судеб,
Только б не смять, вдруг какой — то художник
Эту картину ещё нарисует.
И отчего так торжественно — вольно?
Это поют колокольни святые.
Вверх посмотрю... И глазам стало больно:
Это горят купола золотые.
Как красота эта сердце тревожит,
Вижу я в ней и восторг, и спасенье.
Если Россия у многих есть тоже,
То Кострома не у всех, к сожаленью!

Белладонна

Белладонна распустилась у пруда.
Я бездомна, сумасшедша, молода.
Мир покинув, здесь одна живу в лесу,
Как ундина, заплетаю цвет в косу.

Что мне люди, что мне нравы да молва?!
Пусть забудут, что и вовсе я жива!
Счастье — в росах умываться поутру,
Счастье — в травах укрываться в вечеру.

Это многим непонятно, ну и что ж!
Оттого мой мир на ваш и не похож.
Не тревожьте, обойдите стороной.
Белладонна неприветлива порой.

Новое утро

Распахнуты большие окна.
Летит прозрачный, лёгкий тюль.
И солнца свет лобзает стёкла —
Царит безоблачный июль.
Продрогнув в тоненькой накидке,
Стою у края новизны,
А муж в объятиях улыбки
Ещё досматривает сны.

г.Кострома

Вячеслав Арсентьев

«КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...»

Дорогой современный ресторан, с дорогими зеркалами в простенках, с современной музыкой и длинноногими официантками в коротких юбках.

Двое «новых русских» пьют дорогой, под сто баксов бутылка, коньяк. У молодого — бритый, широкий затылок. Сам он — плотен и высок, такие работают охранниками в дорожных гостиницах. Второму лет под пятьдесят, коренаст, полноват, с обозначившимся под дорогим пиджаком животом. По разговорам видно, что ни образования хорошего, ни культуры — ни у того, ни у другого. Как и положено, больше говорит старший:

— Понимаешь, Витек. Что-то перестал я радость от жизни получать... Дела вроде бы кручу неплохо. «Зелени» хватает. А радости... её-то как раз и маловато...

Он опрокидывает в себя рюмку коньяка и продолжает:

— Вот помню. Пошел я в первый класс из деревни в поселковую школу. Отец отдал мне новую полевую сумку... Знаешь, были такие, как из голенища от кирзового сапога. Не нравилось. Стеснялся я. У всех в классе — портфели, а у меня — полевая сумка. А потом батька привез из Ленинграда настоящий кожаный портфель. Кожаный! Понимаешь! Для деревни по тем временам это круто! Так вот радости было — сверх головы. Даже ночью подходил к нему, нюхал кожу (и сейчас помню, как пахла та, настоящая, кожа), шелкал никелированными замками. Да... Недавно вот купил «джи-пюру» за полтора лимона. Конечно, приятно, не скрою: все-таки не последний чалдон в России. Приятно — но не больше. А радости... той детской, настоящей, нет... Запаха кожи... Это не передать..., — он закрывает глаза, а когда открывает, в них блестит что-то, как будто слезы. — Запах настоящей кожи, не дермантина поганого — кожи, до сих пор помню... Что дорого-то, радость была — настоящая!»

Молодой молча жует, вылавливая что-то из глиняного горшочка, почтительно слушает, но ему совершенно непонятна тоска... по запаху кожи школьного портфеля. Неожиданно вдруг вспоминается ему неизвестно где и когда услышанная фраза: «Как хороши, как свежи были розы...»

ЖИЗНЬ ПРОШЛА, КАК НЕ БЫЛО

Генаха Круглов женился рано, до армии. А пить выучился еще раньше: помогли в том родной отец и компания ремесленников-одногодков.

Когда в подпитии приводил домой друзей, садился за большой стол в передней и говорил своей остроносенькой худенькой молодой жене:

— Ну-ка, Тонечка, подкинь-ка нам чего-нибудь зажевать!

Тонечка приносила немудреную закуску, садилась в уголок дивана и оттуда не отрываясь, с обожанием смотрела на своего Геночку.

Прошло несколько лет. Геннадий за это время сделался отцом семейства. Но всё так же часто по поводу и без повода прикладывался к рюмке и всё так же часто приводил домой собутыльников и всё так же весело и громко, в предчувствии ещё выпивки, кричал жене:

— Тонь! Дай-ко нам что-нибудь заесть!

И Тоня собирала, что было в доме, на стол, а сама забивалась куда-нибудь в уголок и внимательно наблюдала за мужем, будто что-то пытаясь понять.

Прошло еще несколько лет. Круглов женил сына, выдал замуж дочь, поселил, погрузил, но пить бросать и не думал. Шумные застолья остались в прошлом. Приятели заходили, но уже по одному, и, если приносили бутылку, Гена оживал и по-старому весело кричал жене на кухню:

— Антонина! Нам бы что-нибудь закусить!

Антонина, уже тоже грузная, но все такая же маленькая и остроносенькая, выносила две-три тарелки с обычной деревенской едой, сама пряталась в угол за комод, равнодушно смотрела на мужа.

Потом Геннадия Васильевичу Круглову перевалило за шестьдесят. Он заметно постарел, вдруг похудел, стал малообщительным. Теперь, садясь на свое обычное место, он в одиночестве открывал бутылку и в предчувствии скорого опьянения почти весело, громко просил жену:

— Матк! Мне б чё занюхать!

Старуха Круглова, маленькая, но полная, круглая, как огромный шар, вкатывалась в зал с грибочками, селедкой, сырком, ставила все это перед мужем и, как обычно, ничего не говоря, забиралась на стул за комодом, внимательно и скорбно долго глядела на мужа, пока он не приканчивал бутылку, почти не трогая закуску.

Недавно Антонина Круглова умерла. Геннадий Васильевич запил втихую и надолго. Имущество не для кого было хранить. Сын и дочь жили далеко, справно. Ленка катался на «Джипе», а Зинка — каждый год на Канары. Так что старик не жалел ни пенсии, ни кой-какого накопившегося по хозяйству добра.

Однажды с солидного похмелья присел Геннадий на свое любимое место за большим столом в передней, снял с бутылки «бескозырку» и уже крикнул было привычное:

— Матк! Мне б чё., — и осекся и долго-долго смотрел на пустой стул за комодом. Навернулась на глаза скорая и слабая стариковская слеза: «Матк! Как же так-то?! Как быстро-то всё! Неуж жизнь-то прошла-проехала? А? Когда и успела-то? А? Как же так быстро-то, а?!»

ЛЕТОМ

Начало июня. Я сдаю экзамены на филфак пединститута Мне всего семнадцать....

Многое за минувшие годы навсегда ушло из памяти. Оттого лета тоже мало что осталось, кроме неярких эпизодов. Но одна картинка прочно засела в сознании. Именно картинка, выхваченная из контекста жизненного сюжета.

Раскаленный солнцем асфальт. Костромская «сковородка». Молочная горка. Мы идем, взявшись за руки («ее рука в моей руке»), от Мучных рядов в сторону Красных, мимо Ивана Сусанина.

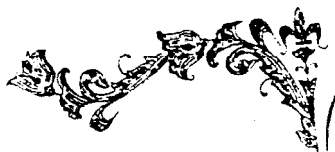
Она поступает на музыкальное отделение. Худенькая, высокая, стройная. Светлые кудряшки прыгают в такт шагам. Цветной сарафанчик, голые руки и ноги.

Беззаботно о чем-то болтаем, радуясь солнцу, теплу, молодости, жизни.

Где и как познакомились, не помню. Откуда она приехала? Даже лица не сохранила память. Ничего. Лишь восторг от ее худенькой фигурки, от беспечной болтовни ни о чем, от волнующего чувства гордости, что впервые иду на виду у всех за руку с понравившейся девчонкой, и потому — на седьмом небе и никого вокруг не замечаю. Только мы вдвоем. И этот мир для нас...

Как-то так получилось, что я больше с ней не гулял по Костроме, может, даже не видел больше. Знаю только, что в пединститут она не поступила.

п.Поназырево

Наталия Мухина

* * *

Боже правый, а тех ли создал?
Нам в скитаниях долгод век.
Мы мечтали увидеть звёзды,
Да нежданно выпал снег.
Что ж, меняем любовь на песни,
Отпускаем на волю сны.
Нам бы счастье чуть полновесней
Может, не были б так грустны,
Может, верили бы иначе
В назначение наших душ.
Но сегодня, как встарь, раскачан
Воздух выкриками кликуш.

* * *

Живой водою, увы, скудна
Души моей речка синяя,
В ней очень просто достигнуть дна.
Бездонность зовут Россиюю.

Я — только малая часть её,
Куда мне равняться силами
С могучими, вольными, в ком поёт
Русь волнами пеннокрылыми.

Моей речушки средь больших рек
На карте лучшей из многих стран
Никто не сыщёт за целый век, —
Но нами полнится океан.

* * *

Безверье наше — злейшая из вер,
Хотя они имеются в достатке.
Ревнителю жестоких полумер,
Живём в стране с подобием порядка

И призраком закона. Сквозь века
Клеймо раба проносим как награду.
А если доля наша и горька,
Другой нам почему — то всё ж не надо.

И сор мы сами сыплем в родники,
Чтоб жажду утолять из затхлой лужи.
И шепчут, шепчут наши старики:
«Всё ничего, да не было бы хуже...»

* * *

Смиренномудрая Россия —
Большой странноприимный дом.
Пространства, скованные льдом,
Радушно встретят и мессию,
И лжепророка, и скопца,
Раба, наёмника, глупца.
Различья — блажь, пустые бредни,
Когда все тройки — в никуда,
Когда на всех — одна беда
И скорбный час один, последний.

г.Буй

Владимир Прокуряков

Дамская перчатка

В телеэкране — крупный план:
Азартные мужские лица,
На ринге бьются две девицы
И каждая — страстей буран!
Сверкают злобою глаза,
Расквашен нос, распухли брови,
Перчатки в ярких пятнах крови,
Победной радости слеза...

Пригрезились, быть может, мне
Те очарованные годы.
Пруда серебряные воды,
И строки Гейне при луне,
И радеву в тенистом парке,
Перчатки вашей нежный шелк...
Тогда я рядом с вами шел,
А день был солнечный и яркий.

Я помню русский локон ваш
Под легкой дымкою вуали...
В какие призрачные дали
Умчал вас быстрый экипаж?
Дай Бог — не в наш жестокий век,
Где изуродованы нравы,
Где в пошлых поисках забавы,
Наживы и дешевой славы
Так опустился человек!

* * *

Лунный свет на недвижимых ратниках,
С трупным запахом ветра порывы,
Над побоищем кружат стервятники
В ожидании жуткой поживы...
Русь моя, это мной потревожены
Твоей юности горькой страницы,
Я грядущего жду настороженно —
Вновь мне грезятся хищные птицы.
Снова вижу тебя я измученной,
А в твоих обескровленных весях
Снова кружится жадною тучею
«Воронье»... в скоростных «мерседесах».

Кое-что о ворах...

Как, по — вашему, выглядит вор?
Повидал я их всякого толка —
Мужика, что пол — литра упер,
И блатного в дешевых наколках.
Только чаще всего видеть мне
Доводилось солидных, мордатых.
Что степенно несут в кабинет
Необмятые «дипломаты».
Да и в «кейсе» — другой набор.
Нет ни «фомки» там, ни отмычки.
Респектабельный нынче вор.

Времена меняют привычки!
Скорый взмах золотого пера
По листам бумаги лощеной.
Вот и сделано дело, пора
Разобраться с «бумагой» зеленой...

г.Волгореченск

Алексей Скуляков

К...

* * *

Не подвластна ты ни грусти, ни тоске,
Проживаешь то в Париже, то в Москве.
И лишь редко, к сожаленью моему,
Навещаешь ненадолго Кострому.

И всегда, когда бываешь в Костроме,
Говоришь мне, что в своём ли я уме,
Оттого что Кострому, где я живу,
Не меняю на Париж и на Москву.

Понимаю я, ты правду говоришь:
Кострома моя родная — не Париж,
Кострома моя родная — не Москва...
Ты права, я понимаю, ты права.

Только древний и любимый город свой
Не сравню я ни с Парижем, ни с Москвой.
Здесь родился я и много лет тружусь,
И еще не раз, конечно, пригожусь!

Метель

Мела метель, и был я болен,
А мне казалось — умирал,
И — участью такой доволен —
Порой сознание терял.
Мела метель, не затихала,
А мне сквозь мрак, из темноты,
Казалось — это ты вздыхала,
Металась беспокойно ты.
Мела метель, а мне казалось —
Ты горько плакала навзрыд.
И это вовсе не касалось
Таящихся в тебе обид.
Мела метель, метель шалела,
И часто бредил я, больной,
Что это ты меня жалела
И даже дорожила мной.
Мела метель. В раздумьях волен —
Я ждал печальный свой удел.
Мела метель, и был я болен,
И для тебя так жить хотел!..
Теперь, когда ты ежедневно
И всё сильнее день ото дня
Безумно, бессердечно, гневно
Бранишь по — прежнему меня,
Я становлюсь подчас крамолен
И мыслю с грустью иногда:
«Мела метель, и был я болен,
И зря не умер я тогда».

* * *

Как живу я и чем я дышу?
Хочешь, в гости тебя приглашу.
Если мир без меня тебе тесен,
Если я для тебя интересен,
То прошу к моему шалашу.
Может, станет союз наш чудесен.

Я безумно тебе буду рад,
Приоденусь я, как на парад.
Я до блеска начищу ботинки,
Я потрачу все деньги на рынке
На бананы и на виноград,
И на крупные груши, как кринки.

И от радости, как во хмелю,
Наплету я тебе, намелю
Ерунды, чепухи несусветной.
Но я цели достигну заветной,
Коль желанное слово «люблю»
В твоей речи услышу ответной.

Ольга Запольских

Маяк

Ночь в терновник ушла с головой.
Переспелые ягоды вымяв.
И вздыхал утомлённый прибой.
Словно чьё — то нашёптывал имя.

Из ночных холодеющих влаг —
На дорожку парного асфальта.
И без умолку! — Полный аншлаг
Лягушачьих альтов и контральто.

И ни зги! Ни горы, ни куста! —
Всё проглочено павшею тьмою.
Хоть бы месяц! И где та звезда,
Что обычно парит надо мною?

Только — только искринка в обрез, —
Далеко, над пучиной морскою
Мой маяк то с надеждой, то без
Нитью пульса берёт за живое.

* * *

По небу плыли облака
В палитре белой:
Там зверь из озера лакал
Туманов пену.

Там лики белок в небесах,
Собачьи морды. —
Там ветер лепит на глазах
Судьбы кроссворды.

Колдует август в деревнях.
И Спаса чудом
Нальются яблоки в садах
До красногрудых.

И, от зелёного устав,
В палитре лета
Он плещет краску по кустам
Другого цвета:

От жёлтых крошек на губах
До ливня с вёдер.. —
Идёт с душою нараспах
Походкой с бёдер.

Под вечер огненный закат
Кидался в сосны
И, опожарив, тёк назад
По веткам рослым.

Под утро может быть гроза
И перемены.
Я принимаю. Я же — за!
Благословенно!

* * *

Надо прочувствовать всё до конца:
Влагу дождя и пронзительный холод.
Каждый нюанс дорогого лица,
Неутолённую жажду и голод.

Солнце — по листьям, и блик на воде,
Льдины спасительной тонкую кромку,
Кромку заката на горной гряде,
Голос, творящий молитву негромко.

Матери руки, седины отца,
Горькую, долгую, рваную память.
Празднуя труса и храбреца,
Самостью выстрадать Родину — Саметь.

Под Кологривом и Костромой
В старых церквах — мироточие фресок.
Боже! Отмечен бедой вековой
В Русской истории каждый отрезок.

Нет, я за долей иной не гонюсь.
За океаном судьбы не приемлю.
Здесь родилась, чтоб прочувствовать грусть
В шуме берёз и любить эту землю.

* * *

Прохожие средь уличных потоков
На солнечном фарватере весны,
Между сугробов лужами прошлёпав,
Растаскивали время, несуну:
Несли на Запад запахи морозов,
А на Восток — звук прорванных плотин,

На Север — ароматы южной розы,
На Юг — безмолвье мёрзлое равнин, —
Как муравьи,

подвластны

тонким

смыслам,

Стратеги, правдолюбцы, мудрецы

А солнце между тем

сосульки грызло

Прозрачные, как в детстве леденцы.

* * *

21 — й — на взлёт. —

Видно, веку не ведомы штили.

И цунами не врёт:

У столетия сбит генотип.

Мокрый галстук жуёт

Растерявшийся Саакашвили.

И в лицо президенту

В Ираке ботинок летит.

Стонет век от проказ,

Что с избытком его одолели.

До соседних планет

Снова слышится стон от Земли.

Что какой — то Укргаз? —

Он играл на трубе из России

Вам пиратский «привет»

С африканских широт Сомали.

Снова климат «не тот».

И коллапсер сожрал километры.

И уходит под снег

Европейских полматерика.

Душу роет, как крот,

Ностальгическим пламенем ретро

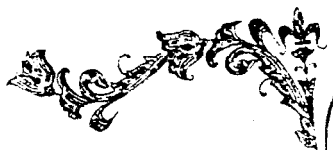
Прошлый памятный век

И твоя SMS — ка: «Пока!»

Ш. ПУСТЬ БУДУТ ЗОРЧЕ ИДУЩИЕ СЛЕДОМ

Валентина Виноградова

Приезд Государя в Кострому (в 1913 г.)

Звонят колокола над Костромой,
И белый дым над пароходом тает,
Российский флаг трепещет за кормой,
И чайка в синем небе проплывает.

Над Волгою плывёт хрустальный звон,
И солнце в злате куполов сверкает,
Нарядный люд собрался на поклон,
Он Государя – батюшку встречает.

Слепит глаза лазури синева,
И ветерок колышет за кормою,
Любуется вся царская семья
Моею златоглавой Костромою.

«О Господи, — промолвил Государь, —
Такая красота и не приснится,
Так вот откуда первый русский Царь
Взошел однажды на престол столицы.»

Звонят колокола над Костромой,
Святая Русь колени преклоняет,
Богохранимый русский город мой
Великого Царя встречает...

Виталий Смирнов

* * *

Оторви календарный листок,
Улыбнись наступающей дате,
И, на счастье, повесь у кровати
Пламенеющий неба кусок!

Чтобы в сумерках зимнего дня
И в туманах дождливого лета
Подпитал тебя силою Света
Этот стусок живого огня;

Чтоб страстей утомленный поток
Вновь вскипел, как река в перекате,
Чтоб, вернувшись домой на закате,
Помнил ты, как алеет восток!

* * *

Наполняется озеро лет
Из реки, называемой жизнью,
И скрывают глубины за синью
Нашей жизни мерцающий след.

Первый вдох, неосознанный крик,
Первый шаг или первое слово —
Все оставит сверкающий блик
На струящейся, зыбкой основе,

Все наступит и все утечет,
Превратясь в невесомые тени,
И из озера призрачных вод
Не вернуть нам уплывших мгновений!

Наполняется озеро лет:
Выше волны и ниже утесы,
Но зато все прекрасней рассвет
Над разливами летнего плеса,

Все дороже водицы глоток,
Звон ручья, соловьиные трели,
И несущейся жизни поток,
И забывшийся скрип колыбели.

г.Волгореченск

Вера Клевич

Ода старому забору

Забор дощатый — брат родной плетня!
Ты некрасив, но я люблю тебя
За простоту, за ветхость, за дырявость,
За то, что мало вас таких осталось,
За то, что не скрываешь от меня
Все, что творится за твоей стеною,
Что я, бесцеремонная, порою
В щель пролезаю среди бела дня.
Мне нравится твоя косая тень,
Когда угаснет яркий зимний день
И месяц подсинит сутроб искристый.
Ты некрасивый, низкий, неказистый,
Ты так же прост, как старший брат плетень.
Стоишь ты для драчливых пацанов,
Для их еще непорванных штанов,
Чтоб жизнь в деревне шла своим порядком,
Для кур соседских на морковной грядке,
Для утренних горластых петухов.

* * *

Я знаю — пахнет теплым молоком,
Березовыми чурками и мятой
Тот низкий, тот замшелый старый дом,
Где детство я оставила когда — то.

Там лук шуршит под низким потолком,
Меж рамами — рябиновые грозди,
Уютно пахнет хлебом и дымком,
И самовар пускает пар сквозь ноздри,

Пекутся там румяные блины
И валенки на теплой печке дремлют,
А на полатях притаились сны
Про лошадей, про птиц и про деревню.

Там на повети — ульев мирный гул,
От медогонки запах сот духмяный.
К плетеным санкам ловко прикорнул
От кадки старый обруч деревянный.

Сквозь дранку крыши там крадется луч,
Пылинки отправляя в пляс искристый,
Там так легко и полно дышит грудь,
И кажется, что счастье где — то близко...

* * *

Сентиментальности стыдимся,
Глотаем добрые слова,
Благодарим едва — едва
И на улыбку так скупимся,

Глаза отводим, если вдруг
Доверия мелькнула искра,
И голову склоняем низко,
Чтобы не видеть чьих — то мук,

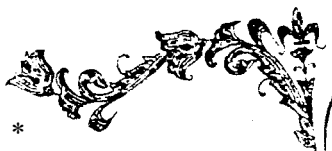
И сцепим зубы — пульс ровней!
Спокойнее! — К чему волненья?
К чему признанья, откровенья? —
Эмоций надо быть сильней.

Души своей не приоткрыть,
В чужую — тоже не стучаться,
Закрыв глаза, сквозь толпы мчаться —
Так легче. Так удобней жить...

...Уходит Доброта от нас
И Милосердие — за нею.
Постойте! Я еще сумею
Любить людей, не пряча глаз!

г. Галич

Нина Артемова

* * *

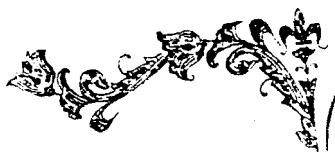
В Селезнево, Батаево, Родино
Я незваную гостьей приду.
Черноглазая встретит смородина
Да журавль на заросшем лугу.
Никого... Как Мамаем проехано.
Пепелище... Зброшенный край.
Лишь на печке для глаза утехой
Полыхает огнем иван — чай,
Приглашает по — русски, бесхитростно.
Обжигает во рту кипятком.
В дырах окон цветы беззащитные —
И радушья, и горя комок.
Вспомню хлеб ароматный Березиных.
Нет, такого сейчас не пекут.
На дымящие ломти порезанный,
Да еще свежим медом польют.

В одиночестве тихо обедаю.
Болью в сердце щемит тишина.
Позабыта, повенчана с бедами
Ты, родная моя сторона.
Для кого — то край дикий, неприбыльный,
Для меня же нет ближе земли.
Барышей не считая и выгоды,
Дарят мед мне душистый шмели.

* * *

Мои мальчишки — храбрые, хорошие,
Моя опора, рыцари мои.
Ну, разве может быть работа ношею,
Коль души доверяете свои?
Вступаете в корректные дискуссии,
Чтоб истину в сомнениях найти.
Ну разве могут быть уроки скучными?
От вас и в перемену не уйти.
Мои мальчишки — дружные, веселые,
Душою отдыхаю среди вас.
Ну, разве можно тяготиться школою?
Там ждут мальчишки, мой 4 — й класс!

с.Георгиевское

Галина Божкова

* * *

Когда спирали возникают
из чутких атомов воды,
они незримо поднимают,
а, может быть, и опускают
осколки будущей звезды.

И снова акты сотворенья
переполняют вечный мир.
И разве вечность и мгновенье —
не есть одно воображенье
людей из замкнутых квартир?

И к притаившимся драконам
притянет вдруг испуг меня,
и по нечаянным законам
расклеит лики по иконам
нечудотворная Земля.

* * *

Ну что ж, молчите обо мне.
Путь понимания так долог. . .
На замороженном окне
Свой ребус складывает холод.

Ему послушная вода
Запишет льдинками вопросы.
Но смерти с разумом вражда
Ответы нужные отбросит.

Я не покорна никому,
Хоть слишком многому подвластна
В своих стараниях напрасных
По сердцу жить и по уму.

* * *

А.

Прошлой осени ветхие запахи
В камыше побуревшем храню.
Помнишь, совы полночные ахали,
На любовь засмотревшись мою?

Помню: сны отгоняли ленивые
Ради нежных ночей у пруда,
Были мы очумело — счастливые,
Розовела под утро вода...

Распирало от радости найденной,
Целый мир мне хотелось обнять.
Но не зря было сказано прадедом:
Что украл, то легко потерять...

В старину говорили: печалуюсь,
Белый свет стал и тёмн и глух.
Чудо — зельями тайно побалуюсь
По рецептам древнейших старух.

Знаю: выброшу дрянь приворотную,
От корысти не ищут добра.
Ах, зачем за осокой болотною
Мы ушли от живого костра?!

* * *

У меня сегодня тайна
родилась среди весны,
что в природе не случайно
все, возможно, влюблены.

Почему уже скрыто это
то дождями, то листвою?
Почему одни поэты
не смеются надо мной?

Я наивная такая,
как любой другой поэт:
хоть ответа я не знаю,
знаю я, что есть ответ.

г.Кострома

Евгения Зарубина

* * *

Возле леса, где холм иван — чаем горит,
Рыли землю, штыками вгрызаясь в песок.
И не думал совсем я, что буду убит,
И что пуля шальная — сквозь каску в висок.

Были пыльные версты, и пушек раскат,
И далекой зарницы неожиданный сполох,
И безумные шквалы внезапных атак,
И от дыма я слеп, и от грохота глух.

Сколько гибло ребят в дни слепого огня!
Сколько хлопцев безусых война забрала!
Сколько вражеских пуль не задела меня,
Но война лишь одну для меня сберегла!

Был получен приказ — удержать высоту,
И врагов не пустить вглубь родимой земли.
И мы рыли окопы в пыли и поту,
Чтобы немцы к столице, к Москве не прошли.

Солнце землю палило нещадной жарой,
В знойном мареве дальние плыли холмы.
Этот край был еще не затронут войной,
И казалось нам здесь, что совсем нет войны.

Мы не ждали беды. Да и кто ее ждет?
Черной тенью скользя по пожухлой траве,
Из — за леса на нас налетел самолет,
Поливая огнем, прижимая к земле.

Надо мной он пронесся, как черный орел,
И крестами на крыльях мне солнце закрыл.
Сколько разных дорог я тогда не прошел,
Сколько песен не спел, сколько дней не дожил!

Пронеслась и забылась былая война,
Зарастают глубокие раны земли.
И опять в жаркий день в том краю — тишина,
В дымном мареве тают деревья вдали.

Нет там мраморных плит, и вечного нет там огня,
Лишь высотка, как прежде, иван — чаем горит,
На том самом холме, где не стало меня,
На холме возле леса, где я был убит.

* * *

Просветлённые временем лица
С фотографий увядших глядят.
И кому — то сейчас ещё снится
В сорок пятом убитый солдат.

Кто он был: командир, рядовой ли?
Кем он был — да ну мало ли кем?
Он для нас остаётся героем,
Пол — Европы поднявшим с колен.

Пусть о нём не написаны книжки —
Фотографии эти твердят:
Был на свете безусый мальчишка,
В сорок пятом убитый солдат.

Скрипнет дверь и опять встрепенётся
Одинокая старая мать.
Может быть, он однажды вернётся?
Будет вечно она его ждать.

На неё с фотографии старой
Он смотрит, улыбаясь светлей...
Рядовые и комиссары
Рядом спят среди белых полей.

* * *

Думаешь, я живая?
Я тебе только снюсь,
Первым лучом растаю,
Первой звездой вернусь.

Не доверяй обману,
Голос не слушай мой.
Хочешь, туманом стану
Над ледяной водой?

Ночью бессонной в мае
Не открывай окно!
Думаешь, я живая?
Нет, я мертва давно.

Тихо ночной порою
Двери твоей коснусь...
Хочешь, секрет открою?
Я тебе только снюсь.

п.Полдневица

Елена Шестакова

Полустанок для принца

За старой берёзой, у дальнего леса
Железной дороги слышны перезвоны.
Там прячутся в травах два узеньких рельса,
И утро тихонько качает вагоны.

Но я выхожу на дорогу под вечер.
Смотрю в бесконечность, где рельсы сольются.
Надеюсь, и жду, и мечтаю о встрече.
Судьба, ты не дай нам в пути разминуться.

Он спрыгнет с подножки, задумчивый, строгий,
От мира людей навсегда отрешённый.
Он взглянет на пыльную стёжку дороги,
Услышит, как шепчется лес полусонный.

Надеюсь я зря: он меня не заметит
И мимо пройдёт, не кивнув головою.
Предскажет разлуку разбуженный ветер,
Качнёт васильки, поиграет листвою.

Вернёт ли любовь озарённое лето?
Аукнет ли счастье в бору за древней?
Я все же дождусь у дороги рассвета
И принца из сказки пронзительно — древней.

* * *

Невесомый туман укрывает предутренний берег.
Листопад в сентябре — будто золотом вспыхнувший дождь.
Осень, жалься, не надо сулить нам печаль и потери.
И не смей намекать, что от нас ты раскаянья ждёшь.

Что нам каяться? В буйном, пьянящем и ярком июле
Мы смеялись, любили, срывали цветы на лугах,
В васильково — ромашковом море беспечно тонули,
Поцелуи дарили друг другу в душистых стогах.

Встанет солнце над лесом, но нас в сентябре не согреет,
И поблекшие травы обрызнут холодной росой.
Только всё же, надеюсь я, осенью будет теплее,
Если вспомню, как шла я к реке с расплетённой косой.

Как с тобой на песке я в забавные жмурки играла,
Как из улья брала золотистый, дурманящий мёд,
Как я пела, кружилась, стихи и романсы слагала
И сидела с тобою у речки всю ночь напролёт.

Осень, осень... Давно ли кукушка в лесу куковала
Мне о том, что у счастья, у лета не будет конца.
Но сентябрь наступил. Предложил мне иное начало —
Вечно помнить июль и от ветра не прятать лица.

* * *

Идёт по улице размашисто и вольно
Юнец бритоголовый в чёрной куртке.
Он крут и жизнью, кажется, доволен.
А людям рядом — холодно и жутко.

На пальце перстень свастикой фашистской
Поблескивает с вызовом зловецим.
Юнцу плевать, что в поле обелиски
Тусклы от слёз осиротевших женщин.

Мальчишка тупо верит в право силы,
Кичится храбростью и нецензурным словом,
Ботинком топчет прошлое России,
Мечтает к бою быть всегда готовым.

Опомнись, мальчик, погляди на небо.
Там облака о солнце размечтались.
В деревне женщины пекут на праздник хлеба.
И много по весне в лесу проталин.

Жизнь так мудра, что без крестов и свастик
Становится стократ добрей и краше.
Представь, что ты — поэт, художник, мастер,
Перечеркнувший злобы день вчерашний.

г.Кострома

Вячеслав Грашнев

* * *

Тебе ли печалиться надо.
Закрыта страница, и пусть.
А знаешь, у зимнего сада
Такая же светлая грусть.

Согреется тонкая ветка
В ладони открытой твоей.
Как будто девчонка — кокетка
Притронулась ласково к ней.

Заполнены разным страницы,
Не вырвешь, не бросишь в огонь,
И дни, перелетные птицы,
С добром отпусти и не тронь.

И все же, какая досада,
Так было и сбудется впредь:
Не можешь, как веточка сада,
Весной возродясь, не стареть.

* * *

Порою за мелочь друг друга
Клянем, забывая о том,
Что в миг отчуждения вьюга
Проникнет и в сердце, и в дом.

И, кажется, истину знаем:
Имея, хранить и ценить.
Но снова бездумно теряем,
Порвавши последнюю нить.

Удачливый день повстречали,
Надеясь, что ангел хранит,

А колокол, данник печали,
По ком — то далеко звонит.

А может, весь мир обернется
В момент расставанья навек?
И холод от Солнца полетится,
И вдруг обожжешься о снег.

Гроза

Теснимый прохладой ночи
Растаял удушливый зной.
Запахло приятно и сочно
Подкошенной свежей травой.

И вдруг полыхнула зарница,
Взбудрив засыпающий лес.
Видать, на своей колеснице
Решил позабавиться Зевс.

Цепляясь в сосновые кручи,
Толкаясь и глухо ворча,
На запад надвинулись тучи,
Завесу дождя волоча.

Вначале едва уловимый
Теперь докатился раскат,
Как будто рукою незримой
Ударили в небе набат.

Мечом золотисто — искрящим
На миг рассекло высоту,
И ливень потоком бодрящим
Метнулся, шумя, в темноту.

Разгулом стихий заморожен
Стоял я и думал свое:
Природы венец так ничтожен
Пред грозным величьем ее.

Сергей Филиппов

Осенняя зарисовка

Лес пронизан осенней истомой,
В Волгу смотрится сень берегов;
Я иду по тропинке знакомой
Между сосен, берез и дубов.
Синь небес беспредельно глубока,
Краски яркие леса горят;
Как красив, как причудливо соткан
Разноцветный осенний наряд!
Ветерок небольшой подувает,
Гладь речную волнует, рябит;
Плеск волны мое сердце ласкает,
Волга словно со мной говорит.
Воздух свежее дышит прохладой,
Слышен шелест летящей листвы;
Мою грудь наполняют отрадой
Всколыхнувшие душу мечты...

Фуфаечка

Г. Соколовой

Осень, холод и дорога
Поздняя, не близкая,
Прижимаюсь к недотроге
Слишком даже близко я.
Поделился с ней недаром
Ватной телогрейкою —
От соседки пышет жаром,
Словно греет грелкою!
ЗИЛ несется что есть мочи,
Жаль — дорога гладкая,
Мне поездка этой ночью,

Как клубника сладкая.
Очень кстати оказалась
У меня фуфаечка —
Без нее ко мне б не жалась
Недотрога Галочка.

Красное-на-Волге

Людмила Юрьева

Святица

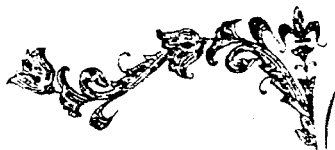
Святица — это вовсе не ручей.
Светиться и играть на перекатах
Судьба реки, что рыбой не богата,
И нет водицы чище, холодней.
Прозрачна речка, камешки видны,
И ледяна вода, аж ноги сводит,
Но видно так задумано в природе,
И в том, поверьте, речки нет вины.
Святое место, Богом данный край:
Ключи, водовороты и затоны.
Не признавая гати и кордоны,
Моя река, блести, свети, играй!
Святица, от святого ты ручья
Черпаешь силу. Та вода живая.
Куда спешишь, на солнышке играя?
Дарить покой земного бытия!

Последняя осень

Как тяжела ты, шапка Мономаха!
К чему рубины, изумруды, соболя?
Не ведать бы ни горя и ни страха,
Но что с тобою, русская земля?
Роняют листья молодые клёны.
На лужах лёд — начало октября.
Опять на фронт несутся эшелоны,
И близится уж новая заря.
Морозно утро, дышит двор прохладой,
И только от свечи в окошке свет.
И образ Чудотворца освещён лампадой,
И кто б помог, и кто бы дал совет?
Куда идём? В долину или пропасть?
И кто ж народу завтра будет мил?
Что нужно для него?
Жестокость или кротость?
И лучше бы народ царя любил.
Но нет. Неумолимо нынче небо,
И нет подсказки. Ты решаешь сам.
Народ шумит. Россия хочет хлеба.
И знамя красное цветёт то тут, то там.
И коль примерил шапку Мономаха,
За всё в ответе в сей тревожный век.
В тумане дум, предчувствия и страха
Царь. Он не Бог, он просто человек.
И смотрит царь на желтую аллею,
Откинув занавески кисею.
Совсем один. И, никому не веря,
Последней осени встречает он зарю.

г. Солигалич

Евгения Николаева

* * *

Рву страницу за страницей,
Что написано — долой!
Я — содомская блудница,
Пеплом город стал родной.
Пред тобою чужестранка,
Вышедшая из огня,
Не смотри, что оборванкой
Я кажусь при свете дня.
Ты глазам не верь... зри в душу
Там все тайны, там броня.
Время память не задушит,
Но убьет меня...

* * *

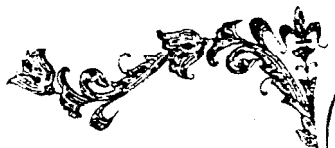
М. Цветаевой

От суеты бегу, спешу,
С собою тайны уношу.
Я знаю что — то, что никто
Уж не узнает ни за что!
Повесив сумку на плечо,
Шагаю, в венах горячо,
За мною мчится по пятам
Поэта тень, и тут... и там...
Ее цитирую стихи,
Все правды знаю и грехи,
Не осуждаю ни за что,
Лишь зябко кутаюсь в пальто.
Откуда чувство то во мне,
Что с ней не раз наедине
Мы говорили ни о чем,
И я ей плакалась в плечо.

Я помню выражение глаз
И слышу отголоски фраз...
Откуда эта связь времен,
Которой жизни ритм сменен?
И это мне внушает страх...
И рвет надежды в пух и прах.

г. Нерехта

Николай Максимчук

* * *

Выпускникам 1982 г.

Нас было немного.
Четырнадцать в классе.
Четырнадцать,
жаждущих жизни, парней.
Враждебный Афган
потушил в одночасье
аж девять,
трепещущих в сердце,
огней...
Вдруг в судьбах взорвались
Кавказские горы
и горечь утрат
сразу стала острее:
нас двое осталось
оплакивать горе.
Нас двое осталось.

На всех
Матерей.

10 июля 2002 г.

* * *

Я Русь люблю —
От Киева зачатую,
Где улицу брусчатую
Вели и к храму, и к дворцу.
Князья где, верные отцу,
Да с конными дружинами,
Что лавами пружинными
Разили остротой клинков.
И «Словом» — памятью веков...

Я Русь люблю —
Степную волю вольную —
Казачью Сечь раздольную,
Где дело чтили ратное
И чьё «письмо» булатное
Враги познали не на слух.
Где всех учили ремеслу,
Уважить старость как, добро,
Да в грош не ставить серебро...

Я Русь люблю,
За лень Петром избитую,
По — белому помытую,
К ученью согнату кнутом.
Со славой, что пришла потом...
Я Русь люблю
С гусарскою бравадою,
Где лучшей всем наградою
Был шанс Отчизне послужить
И голову в бою сложить.

Я Русь люблю —
Космического лидера
Без нищенского сидора
И с твёрдой верой в лучший день,
Когда враз сдача — лишь задень!
Когда свободы и права —
Не просто броские слова...
В такой Руси хочу я жить.
Такой Руси хочу служить!

г. Кострома

Заколдованный мой лес

А.К.

Дремучий, колючий, глухой —
Неласковый лес — чародей!
Стоишь неприступной стеной,
Окутанный тайной своей.

Так холоден, сумрачен, дик...
Но я потеряла покой!
Я к тайне всего лишь на миг
Хочу прикоснуться рукой...

Сомнений развеется дым
Тревожной ночью порой!
К замшелым деревьям босым
Прильну с несказанной тоской..

Лишь только ладонью коснусь
Густых зачарованных трав,
И губ винно — ягодный вкус
Почувствую вдруг на губах...

Я в дебри стремлюсь... Но вперёд
Шагну — и замру не дыша...
Неведомой жизнью живёт
Лесная поляна — душа!

Коснётся ли ветер кустов.
Иль филин вспорхнёт, — не боюсь!
Мерцанье ночных светляков
Развеет и страх мой и грусть.

Проглянет из тучи луча.
Прольёт упоительный свет,
И сонно прошепчет трава
Мне тайну твою, твой секрет...

Прости, что невольно опять
Безмолвный нарушу покой!
Но как же иначе понять
Мне нрав переменчивый твой?..

В ажурном сплетенье ветвей
Твои откровенья прочту.
Поведав о жизни своей,
Доверишь святое — мечту!

О, мой заколдованный друг!
Душою я снова чиста!
И тайну твою сберегут,
Не выронив слова, уста!
Останется только навек
Любовь безответной, слепой
К тебе, о, мой лес — человек,
То дикий, холодный, чужой,
То ласковый, тёплый и мой!

* * *

Люблю порядок безупречный
И живописнейший бардак.
Порой себе противоречу
В поступках, мыслях и словах!

Люблю то штиль, то непогоду,
Мне невозможно угодить!
Люблю морей бескрайних воду,
Но далеко боюсь заплывать!

Люблю летать на самолётах,
Но с высоты упасть боюсь!
Люблю весну в родных широтах,
Но хлябь дорог — сплошная грусть!

Люблю огонь костра, камина,
Мне дорог ужин при свечах.
И не терплю я запах дыма,
Он первобытный будит страх.

Люблю, как в спину дует ветер,
Сержусь на шквалистый в лицо!
Люблю, когда резвятся дети,
Порой, кричу на сорванцов...

Люблю тебя и ненавижу.
Пока не знаю, что сильнеей,
Но наш разрыв уже предвижу
И оттого ещё больней.

Но от разлуки шаг до встречи.
Я вслух клянусь самой себе.
Что притворюсь и не замечу
Тебя в обыденной толпе.

Когда случится эта встреча
Я, изменив своим словам,
И, вновь себе противореча,
Внезапным чувствам волю дам.

Малиновый сироп

Малиновый сироп
Струится лентой сладкой.
И хочется его
Мне выпить без остатка.
Как бабочка нектар

Смакуя понемножку,
Я пью, на три глотка
Растягивая ложку.
Душистый, словно сок
Свежайших ягод спелых,
Вдруг — «ах!» — сироп потёк
На пену кружев белых
И выкрасил манжет
Искусного плетенья
В нелепо яркий цвет!
Ну что за невезенье!
Сочувственен твой взгляд.
И мне уж не досадно.
Спасая мой наряд,
Застирываем пятна
Ты шепчешь: «Не горюй,
Другое купим платье!»...
Как трепетны объятия!
Как сладок поцелуй!

* * *

Не гаси единственной надежды!
Тлеющие угли на ветру,
Может, обращу в костер, как прежде.
Может быть... И, дай — то Бог, к утру.

Хочется вернуть былое, слышишь?
Свет костра, дыхание огня...
Всё, что было, — словом не опишешь!
Это слишком свято для меня!

Не гаси в отчаянье напрасном:
«Поздно, мол, что было — то прошло...
Я не дам, не дам огню погаснуть!
Чувствуешь, тепло его пошло?»

Росы да осенние туманы,
Дождь да снег, да злые холода
Больше нам помехою не станут!
Господи, да будет так всегда!

Господи, да будет всё, как раньше!
Ночь ли, день, — мы вместе: ты да я...
И ни отчуждения, ни фальши.
Свет костра... Дыхание огня...

Татьяна Жадова

* * *

Ты в кабак меня не зови,
Мы по духу с тобой чужие,
Не герои друзья твои,
Тянут к пропасти всю Россию.
«Ты скупой!» — бросаешь в лицо,
Широту души открывая,
Заложил у жены кольцо,
Это «щедрость» твоя такая.
Плачут дети, вздыхает мать,
Ни покоя, ни сна не зная.
Ты не хочешь родных понять,
Над обрывом с судьбой играя.
Совесьть (мучаясь поутру)
Заливаешь дурной отравой,
Ватный падаешь в пустоту —
В этом доблесть, мужская слава?
Ты в кабак меня не зови,
Мы по духу с тобой чужие.
Не мужчины друзья твои,
Не хочу пропивать Россию.

* * *

Волной поэзии наполнена любовь,
Что схожа с непроявленной пленкой,
Там неуверенность, наивность,
свежесть слов,
Мир удивительный и тонкий,
Сердечных тайн ласкающий туман,
Мерцанье роз в большой хрустальной вазе
Как нам необходим самообман
Из гриновских пленительных фантазий!
Такое чувство лишь в пятнадцать лет
Открытием своим пронзает душу,
Сберечь не каждому дано волшебный свет,
Наш век жестокий прагматично душен.

* * *

Мой ангел — хранитель, спасибо тебе,
Что мимо несчастий ведешь по судьбе,
Даешь отдохнуть после трудных дорог,
Когда легкомысленна — вежлив, но строг,
В тревоге поддержишь сердечным теплом,
Комок раздражений хранишь под замком,
Терпению учишь на каждом шагу,
И руку протянешь, когда на краю,
Подкинешь удачу, которой не жду,
Любима родными, взаимно люблю.
С тобою судьбы не желаю иной,
Мой ангел, всегда оставайся со мной.

с. Георгиевское

* * *

Обмалели мне эти объятъя!
И моей потрясённой руке
Опротивели рукопожатъя
С лицемерьем в другом кулаке.
Я искал плоскость призрачной грани
Меж спокойствием и слепотой,
Когда я чужих слов глотал пряник
Изо лжи, растворённой водой.
И когда обессиленной нитью
Опускаются губ уголки,
Я клянусь себе с жаром и прытью
Не попасться в улыбок силки.
Не вползаю я червем во споры,
Слышу ложь, но не слышу лжецов,
Потому что из всей пышной своры
Не найдётся людских голосов.
Через кочки бежал от двуличья,
Но запутался я под конец:
То ли я соблюдаю приличья,
То ли я проваренный подлец?..

* * *

Я много раз бодался со столом,
И каждый раз — с сомнительным успехом.
Мечты моей закрытый перелом
Скрывался за веселием и смехом.
Судьба моя запнулась за порог,
Вернее, запиналась за пороги
Чужих домов, чужих забот, тревог
И убегала от глухой берлоги.
Свалив на стол охашку пустоты

И заглушая в мыслях пухлый ропот,
Я прятал взгляд в тетрадные листы
И мне давно известный делал опыт.
Учился многословью полотна,
Открытости ключом закрытой двери;
Я опустилсЯ аж до чашки дна,
Но в этой глубине себе стал верить.
Чиста моя невымытая рука,
И мне сегодня душно средь бездушных.
В их головах оборвана строка
Нелепых слов, нарядных и ненужных.

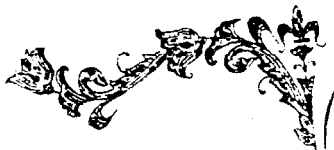
* * *

В растрескавшейся мякоти тумана
Рассыпаны чуть слышные шаги,
И воздух лезет прямо в рот кармана,
И капли времени ещё туги.
Недолги все наземные поместья,
Но всё облито времени дождём,
И говорят кладбищенские листья:
«Пока что рано — мы тебя не ждём».
Слипались капли так неисправимо,
Сбегали жадной лужей на базар
И убегали всё куда — то мимо,
Чтоб после превратиться в ватный пар
Когда — нибудь вы видели такое:
Скатилась капля времени слезой?
Она упала на лицо чужое,
Чужое время унеся с собой.
Стекает капля по щеке соседней,
И в памяти она — иль пар, иль лёд.
А я боюсь расплакаться в передней:
А вдруг слеза последняя падёт?..

г. Шарья

IV. ДЛЯ ТОГО И РОДЯТСЯ ПОЭТЫ

Молодому политику

Не торопись седлать коня
И ставить ногу в стремя,
Чтобы потом не обвинять
Страну, Народ и Время.

Мол, за Россию пострадал,
Да вот народ не понял,
Не ту идею подобрал,
Не то оружие поднял.

Придя в политику, заметь
Ты истину простую:
Не мудрено зазря сгореть
И жизнь прожить впустую.

Не будет Мир переживать
И плакать над тобою.
Но как ты будешь доживать
С изломанной судьбою?

* * *

Взгляд устал от заросших полей.
Ищешь краски желтеющей нивы.
Мало их. Только ветер лениво
Гонит пыль на листву тополей,
Что давно охраняют село,
А его раскупили на дачи.
И куда — то пропала удача —
Все бывшее бывшим поросло.
Не слышать за селом тракторов.

Скачут зайцы и некошенных травах.
Нет на них, окаянных, управы
За разор огородов — садов.
Поддень. Флаг над конторой поник.
Куры спрятались. Тихо и жарко...
Понаедут опять иномарки
Ближе к вечеру в лес, на пикник.

* * *

В колодец памяти бездонный
Я опущу ведро сомнений
И зачерпну воспоминанье
О том, как встретились с тобой.
Поверх воды всего набралось:
Экзамены, мечты пустые,
Билет в кино и с кем — то встречи,
Еще талоны на обед...
Трудилась память днем и ночью,
Подвергнув жизнь проверке строгой,
Пока на донышке сверкнуло
Мое желание любить.

* * *

Зачерпнула лодка быта
Пенную волну.
Вспыхнул страх полузабытый —
Вдруг да утону.

Еле выбрался па сушу,
Выплыл — повезло.
Видно, Бог не принял душу,
Лишь погнул крыло.

Или время не приспело
Каяться в грехах —
Вдруг останутся пробелы
В жизни и стихах.

Весенние картинки

Вдаль по речке желтый лёд
Постным сахаром плывет.
С ним зима в конце недели
Напоследок чай попьет.

Словно семечки к губам,
Липнут лодки к берегам.
Зеленеют ветки ивы
На корзинки грибникам.

Мать — и — мачехи драже —
В огороде, на меже,
Второпях апрель рассыпал
На весеннем вираже.

Тянет дымом вдалеке,
Солнце плавает в реке.
Заберу — ка я с собою
Три цветочка в кулаке.

г.Буй

Валентина Назарова

Птица

Ах, какая случилась беда,
Выпал глупый птенец из гнезда
Сколько скорбного крика, испуга —
Мать не сходит с тревожного круга.
Как же это случиться смогло?
Просит птица: «Не делайте зло!»
Нас почти что зовет именами,
Все кричит, все летает над нами.

Я застыла, стою, чуть дыша,
Материнская рвется душа!
Параллельных миров бытие —
Сердце птицы и сердце мое.

* * *

Знаешь, я не об этом.
Помолчи, подожди.
Видишь, полнятся светом
Молодые дожди.
А от серых сугробов
Только лужи кругом.
Виноваты мы оба,
Только я о другом.
Сколько правды в природе,
Сколько в ней естества:
В голубом небосводе
Реет дымка едва.
Все согрето любовью
От небес и до дна.
Ну, а мы как с тобою?
Ты — один, я — одна...
Отчего всё так вышло?
По незримой тропе
Ходим мимо неслышно,
Каждый сам по себе.

г.Нерехта

Екатерина Каргопольцева

* * *

Шальная осень!
Листопад сплошным потоком
Всю ночь раскладывал пасьянс у наших окон.
Но ветер гневно разметал в порывах страсти
Красиво брошенный расклад червовой масти.
Не успокоившись на том, без сожалений,
Гонял при свете фонарей ночные тени.
Потом устал и до утра, как пьяный, гулко
По сонным улицам бродил и переулкам.

* * *

Ни друг, ни враг — простой прохожий...
Сравнялся шаг — и разошлись;
Ты не искал меня, я тоже
Не умоляла: «Обернись!»
И в бесконечности пространства
Нам общим было много лет
Глухих ветров непостоянство
И тусклый свет чужих планет.
Заполнив жизнь свою другими,
Всё это время я, прости!
Твоё родное сердцу имя
Вслух не могла произнести.
Не потому, что было мало
Отваги горестной... О, нет!
Не в том был мой для всех секрет:
Я просто имени не знала...

* * *

Ты говорил, склоня одно колено:
«Люби меня неистово и жарко,
И я тебе, прекрасная Елена,
Не пожалею лучшего подарка...»

Сошла в безумстве с мраморного трона,
Слетела с плеч пунцовая лавина:
«Сокройся с глаз, чудак,
на мне — корона!
Я не Елена,
я — Екатерина!!!

* * *

М.Л.

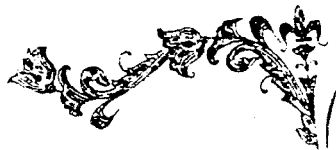
Мы с Вами разошлись в веках...
При чьём — то замысле неверном:
Вы — в девятнадцатом,
я — в двадцать первом;
И полвторого на часах...

* * *

А время шло, меняя нравы...
И как случилось,
Боже мой,
Что тот, кто был когда — то справа,
Вдруг оказался за спиной?

г.Шарья

Андрей Кубарь

День Победы

Войны не видел я, ребята.
Я на фронтах не воевал.
И пол — Европы, как когда — то,
Солдатом я не прошагал.

Достались мне другие годы.
Но также я стоял в строю.
На страже Мира и свободы
Я вахту нёс уже свою.

И каждый год с поклоном низким
Я в этот день сюда иду —
К Огню, к подножью Обелиска
Цветы весенние кладу.

Молчанья скорбного минута.
Лишь ветер кудри шевелит.
В глазах слезинка почему — то.
И тихо Реквием звучит.

Мы помним вас, Отцы и Деда!
И знаем мы, какой ценой
Завоевали Вы Победу
Для нас. Для всей Земли родной!

* * *

Бобровка, Болдино, а может, Бологое
Душе опять покоя не даёт.
Когда настанет время «золотое»,
Томясь и мучаясь, она покорно ждёт.

Но парадокс: во власти озаренья
Душа ликует в радости, поёт.
А скомканный листок с твоим твореньем
В корзине с мусором закончит свой полёт.

* * *

Хочу быть мэром, господа!
Пусть покажусь я вам нескромным,
Пусть будет этот юмор чёрным
Но я хотел им быть всегда!

Хочу быть мэром, господа!
Пусть кто — то скажет: — Несерьёзно!
Что, мол, по возрасту уж поздно!
— Простите, это — ерунда!

Хочу быть мэром, господа,
Чтоб управлять я мог народом,
Чтоб город наш рос с каждым годом,
Как и другие города!

Хочу быть мэром, господа!
Возможность дайте мне такую —
Всего себя реализую
В процессе этого труда!

Хочу быть мэром, господа!
Я увеличил бы зарплату.
Не всем, а только кому надо —
По «интенсивности труда»!

Хочу быть мэром, господа,
Чтоб я, простой учитель школьный
Помочь коллегам был бы волен
И не сгорал бы от стыда!

Хочу быть мэром, господа,
Чтоб одеваться мог я стильно.
И из окна автомобиля
Кивать друзьям хоть иногда.

Хочу быть мэром, господа,
Чтоб свой коттеджик мог построить,
Чтоб быт семейный обустроить
И чтобы сытым быть всегда!

Хочу быть мэром, господа,
Чтоб разогнать всех пустобрехов.
И чтобы не было огрехов
В работе нашей никогда!

Хочу быть мэром, господа,
Чтоб наша жизнь была как в сказке!
Пожалуй, я сгущаю краски,
Но, впрочем это — ерунда!

Пока горит моя звезда
И я других ничуть не хуже,
Хочу, чтоб людям был я нужен —
Хочу быть мэром, господа!

г.Волгореченск

Мария Щипалова

* * *

Жалко, но принцев на всех не хватает!
Золушек — много, а сказка — одна!
Но ведь бывает, поверьте, бывает,
Только не с нами и не всегда.
Жизнь не бурлит, не кипит — протекает.
Это не жизнь — насекомых возня.
Но ведь бывает, поверьте, бывает,
Только не с нами и не всегда.

Бешено любит, ревнует, страдает...
Муж?! Не представить —
Увы — без труда!
Но ведь бывает, поверьте, бывает,
Только не с нами и не всегда.
Мысль эта грустная так напрягает,
И на щеке заблестела слеза...
Счастье бывает, конечно, бывает..,
Только не с нами и не всегда.

* * *

Не бунтарю я и не спорю —
Я со всеми и всем смирилась.
Не заслуживаю... не стою...
И тихонько сдаюсь на милость.
Тише голос и ниже плечи...
Взгляд от пола не оторвется.
Мне так проще, и мне так легче.
Тот, кто хочет, пускай смеется.
Зачем стараться? К чему стремиться?
Не оценят и не похвалят.
Я мечтала летать, как птица,
Я упала с небес, как камень...

* * *

Вот и август покидает нас,
Торопясь догнать смешное лето,
И, роняя звезды напоказ,
Собирает в сумочку рассветы.

Вот и осень встала у дверей,
Жмет в руке оранжевый платочек,
Провожая взглядом журавлей,
С ветерками весело хохочет.

Вот и небо дарит нам с дождем
Всю свою любовь и откровенность.
Знаешь что? Давай с тобой споем:
Как весны, вдруг песен захотелось.

Леонид Чилипенко

Элегия

Пустынны небеса над мертвым полем,
Где птиц не слышишь голоса, где боле
Ни пахаря не встретишь, ни косца.
За обмелевшею рекой на взгорье
Пустые избы скорчились от горя
В предчувствии безвинного конца.

Здесь жизнь давно покончила с собою.
И лишь в полуразрушенном соборе
Дрожит от ветра паутинки нить,
Связавшая собой Вчера и Завтра
Но оборвись она сейчас внезапно,
Как страшно нам Природа станет мстить!
Я не судья. Я не хочу отмщенья.
Я у Всевышнего прошу прощенья
За всех за нас — и мёртвых, и живых,
Не помнящих ни племени, ни роду,
Пришедших в никуда — во чью угоду?
О, люди прегрешений, что же вы...

Мне не найти разумного ответа.
В ночной пейзаж луна холодным светом
Засохшие вписала тополя..
В глухую дверь стучать — не достучаться.
Немым устам кричать — не докричаться.
Пустое небо. Мёртвые поля.

* * *

Отмеряны земные рубежи.
И сказано: «В начале было Слово».
Но в дебрях полуправды, полулжи
Его находишь и теряешь снова.

И бродишь, одинокий, в темноте,
В плену красивых слов — их тыщи, тыщи.
И вроде бы достойные отыщешь,
Но повернёшь на свет — да всё не те, не те

А истина — она, брат, такова:
Ты только сердцем прикоснись, послушай —
Простые, откровенные слова
Уютно и легко ложатся нам на душу.

Светлана

Словно музыкой вечно пленён
Я созвучьями русских имён,
Никогда не канущих в Лету.

Света...
Это утра ласковый луч,
Ветер гор, ветви ив, светлый ключ,
Это робкой былинки рост,
Серебро обжигающих рос,
Эхо последних гроз.
Это тайна столетних свеч,
Вальс удивительных встреч.
Пахнущий яблоком снег,
Детский счастливый смех,
Или первый сердитый крик.
Богоматери любящий лик,
Что хранит нас на грешном пути...

О, молю, не погасни, свети!

Памяти Леонида Попова

Какие нужные слова!
Какие песни, брат,
Ты так божественно слагал
Из света и добра!
Как наши души бередил
Твой неуёмный дух,
Как неожиданно будил
Дремавший в людях слух!
Пусть невозвратным судным днём,
Устав от долгой лжи,
Мы все за горизонт уйдём,
А ты — ты будешь жить!
Приговорённый нашу боль
За нас в себе носить
И обречённый на любовь
В сердцах всяя Руси.

Постфактум

Хочу понять и не пойму,
В каких невысказанных сраженьях,
Страна, ты терпишь поражение,
Какую проиграв войну?

Как получилось, что сама
Ты призрак свободы ради,
Позволила себя разграбить?
Россия, ты сошла с ума!

Мне больше нечего сказать.
Ну хочешь, стану на колени?
Обманутому поколению
Мне совестно смотреть в глаза,

И, может быть, еще не раз,
Листая прошлого потёмки,
Недоуменные потомки
Недобрым словом вспомнят нас.

Вова Грошиков, 9 кл.

* * *

Вместо поля выросла тайга,
Вместо озера раскинулось болото.
Где цвели цветы — теперь снега,
На равнинах высятся высоты.
Камень точат ветер и вода,
Реки зарастают и мелеют.
Даже океаны и моря
Склонность к изменениям имеют.
Глядя, как меняется наш мир:
Его формы, очертания, убранство,
Сам себе я задаю вопрос:
— Значит, нет в природе постоянства?
Всё меняется под небом голубым:
Горы и широкие долины,
Мир растений, мир зверей и птиц,
Океаны, жаркие пустыни.
И лишь белые барашки облаков,
Синее бездонное пространство
Не меняются с течением веков,
Только здесь природы постоянство.

* * *

Вьётся дорожка лесная
Мимо деревьев и пней,
Каждый изгиб повторяя,
Бодро иду я по ней.
Ветер листвою играет,
Птицы щебечут, поют,
Пчёлы нектар собирают,
Всюду покой и уют.

Дятел стучит по берёзе,
Белка на ветке сидит,
Где — то кукует кукушка,
Ястреб безмолвно парит.
Тихо в лесу и красиво,
Кажется, в сказку попал,
Кажется, вот оно, чудо,
Наше начало начал.
В сердце вселяется радость,
Хочется петь и летать,
О каждом цветке и травинке
Хоть несколько строк написать.

г.Чухлома

Ирина Скородумова

* * *

В белый шелк черемуха окуталась,
Трели соловья мешают спать.
Мамочка, прости, что не послушалась
На всю ночь в луга ушла гулять.

Оживает каждая травиночка,
Вся земля ликует и поет.
Тайная волшебная тропиночка
Меня в лунный замок уведет.

Запахи цветочные, медовые,
Вешние прозрачные дожди.
Мамочка, прости дочь непутевую —
До утра домой меня не жди.

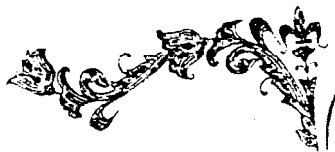
* * *

Мне не понять — к чему идем,
Да не идем, а просто катимся.
Капитализму гимн поем
И в белые одежды рядимся.
Забыли совесть, честь и стыд,
Как будто это чувства лишние.
И у кого душа болит,
Что старики живут, как нищие?
Послаще бы кусок урвать —
В своих грехах совсем не каемся.
Что завтра будет — нам плевать,
Лишь словоблудьем занимаемся.
Детей своих забыла мать,
Рука к бутылке с водкой тянется.
Земля устала нас прощать.
Да что же скоро с нами станется?!
Коль не одумаемся в срок,
Свершится высшее пророчество:
От нас откажется сам Бог,
А значит, жизнь земная кончится.

* * *

Сыновья, сыновья, как вас больно терять
В мирной жизни и на войне!
Где — то в русской деревне кручинится мать,
Потерявшая сына а Чечне.
А другая в Орле или в Туле не спит,
Грузом плечи согнула беда,
Потому что в ушах ночью море шумит,
Где уснул ее сын навсегда.
А в Беслане ещё не успевший познать
Эту жизнь первоклашка убит.
И от горя чернея, бесланская мать
По ночам больше года не спит.
Мать рождает для жизни своих сыновей,
Только счастья желает им мать.
Не затянется рана в душе матерей —
Сыновей очень больно терять.

Сергей Малегин

Настенный календарь

Настенный календарь суров, но беспристрастен,
Как ты не суетись, скудеет с каждым днем.
И вот уже сентябрь мои мгновенья красит
То жёлтою листвою, то проливным дождём.

В смятении вхожу в задумчивую пору,
Её цветных страниц прилежный ученик.
Отныне каждый дождь мне будет очень дорог,
И дорог каждый жест, и дорог каждый миг.

Не знаю, сколько мне отпущено судьбою,
И где умерит пыл мой суматошный бег.
Осенние дожди закончатся зимою,
И ляжет на виски печальный белый снег.

Ну, а пока ждёт срок осенняя прохлада,
И ветер не унёс убранство из садов,
Душа моя жива блаженною отрадой —
Надеждой на любовь, надеждой на любовь.

О скромности

Вокруг цинизм и бездуховность,
и всякий в душу плюнуть метит.
Коль скоро вам присуща скромность,
то в жизни ничего не светит.
Вот так и я в потёмках жутких
влачу своё существованье,
скрываю за похабной шуткой
духовность и образование.
Хожу тайком в глухую местность,

талантик в землю зарываю,
свои порядочность и честность
и продаю, и пропиваю.
На доброту я стану нищим,
забуду собственные песни.
Но вот куда девать умище?
ума не приложу, хоть тресни.
Но во влачении ужасном
мысль освещает мне дорогу:
от скромности своей прекрасной
я не умру! И слава Богу.

* * *

Как хорошо июльским ясным днём
Бродить по лесу с небольшой корзиной.
Ругаться без стеснения матерком,
Когда лицом пронзаешь паутину.

Прищурившись по — ленински хитро,
В густой траве, под пнями, под ветвями
Высматриваю тщательно всё то,
Что в мире именуется грибами.

Вокруг меня шумит волшебный лес,
Кому — то дятел шлёт свою морзянку.
И так приятен поисков процесс,
Что без любви не можешь пнуть поганку.

О, как велик обнаруженья миг!
Вот белый гриб — вальяжный и спесивый.
Лес поглощает мой счастливый крик...
А гриб — подлец. Красивый, но червивый.

Так час — другой от суеты вдали
И в одиночестве, душе моей угодном,
Иду — и мысли разные текли,
Несвойственные, в общем — то, сегодня.

Ну, например, что мы грибам сродни:
Прикрытые одежкой дорогою,
Красивы внешне, а внутри копни —
Кто чист душой, а кто, увы, с гнильцою...

г. Солигалич

Антонина Левицкая

Откровение

Для кого — то лишь мысль такая
Неизбежно внушает страх!
Но поэты живут, сгорая
Откровеньем в своих стихах,
Ощущая прикосновенье
К вечным истинам, изнутри,
Проживают свои мгновенья,
Согревая огнем любви,
Обжигая порывом страсти,
Оживляя мечту из снов,
Подчиняясь единственной власти —
Созиданья своих стихов!
То фантазии дуновенье,
То реальности берега
Порождают волну ощущений,
Составляющих суть стиха...
Не являясь истоком уменья
И рожденья самой строки,
Откровенье, как кровь по венам,
Наполняет жизнью стихи...

* * *

Какое счастье — быть собой!
Без жажды пришлых одобрений,
Без гореванья над судьбой
И запоздалых сожалений...
Коснуться белого листа,
Не списанной с чужих строкою!
И ощущенья чистота
Подарит сладостность покоя...
Услышишь ли, когда поет Душа?
Без слов., восторга трепетным мгновеньем,
Порывом счастья, чистым вдохновеньем
И с разумом гармонию верша...
Ты чувствуешь, когда она грустит?
В тот миг себе ты места не находишь,
Гонимый жаждой поиска, всё бродишь,
По лабиринтам собственных планид...
Останови бег времени и дум,
Услышь её разбуженное эхо!
Не будь себе губительной помехой,
Что исказит звучанье тонких струн...
Не жди ответов истинных извне,
Они придут с Душой наедине!

Испорченный фонарь

Поет печалью саксофон...
И сумерки, скользя по крышам,
Спускаются все ниже, ниже,
Стекая в глубину окон.

Кому испорченный фонарь
Сигналы подает неслышно?
Они несутся выше, выше
И маяком тревожат даль...

Трепещет ветерок едва,
Неравномерно, будто дышит.

И мягкий свет всё лижет, лижет
Газоны... Падает листва.

И осень уж грустит сама,
Спеша, холодных дней нанижет,
И облака всё ближе, ближе,
Готовит снегопад зима...

Смиренье

Уехать бы куда — то на денек,
Чтоб вырваться из долгого ненастья!
Во всем сквозит присутствие, участие
Потухшей осени... Терпения урок.
Мне вдоволь неизвестности испытать...
Весь путь из хаотичности попыток.
По капельке стекает в жизни слиток,
Который не дано мне оценить.
Сомнений вихрь, отчаянья волна,
Неведенья холодная стена!
Суть недоступна, хоть и близко, вроде...
Смиренье не достигнуто, мой Бог.
Бессильем временным застигнута врасплох,
Свет ноября в душевной непогоде.

г.Буй

Ольга Колова

* * *

Как бестолково и смутно живём!
В годы безверия жутко родиться.
Во поле вьюга огромною птицей
Машет отчаянно белым крылом,
Словно зовёт за собою. Куда?
Разве во мгле отыщу я дорогу?..
Вновь обращаюсь с молитвами к Богу —
Явлена будь, путевая звезда!

* * *

Теперь уже не верю обещаньям,
И клятвам, и восторженным речам.
Лишь благостным на Бога упованьем
Живу и в благодарность строю храм
В душе своей. Краеугольным камнем —
Смирение, что Он дарует мне.
Воздвигну стены верным послушаньем,
Стремленьем к свету — купол в вышине.
А в алтаре — святое пламя веры.
В нём истина, надежда и покой.
Не станет Он испытывать сверх меры
Не холодом, ни жаром камень мой.

* * *

В деревнях гуляют сквозняки —
Ветхих изб непрошенные гости.
Одичалый ветер на погосте
На кресты кидается с тоски.

Воеет в иступлении». По ком?
По умершим или по живущим —
Кто ушёл на поиск доли лучшей,
Наспех окна ослепив крестом?

Это крест судьбы. Невзгод и бед,
Это крест крестьянской тяжкой доли —
По окошкам изб, чтоб не кололи
Их глаза упрёком горьким вслед.

Покосились избы с той поры,
Взяли верх над всем бурьян с крапивой
Старая часовенка с горы
Смотрит вдаль печально — сиротливо,

Горестно и скорбно, словно мать,
Потерявши деток неразумных.
Кто увёл их? Как теперь искать
В городах, столь суетных и шумных?

Беспреданно молится за них:
Больше ли нашли, чем потеряли?..
Ветер над горой притих и сник:
Улыбнётся им судьба? Едва ли.

Но моё село ещё живёт
В стороне от взлётов и падений.
Я молю: пусть воли не согнёт
Шквальная волна нововведений.

с.Парфеньево

Михаил Душин

* * *

Когда вопросов больше, чем ответов,
Когда на счастье не хватает сил,
Давай с тобой махнем навстречу лету
В объятия пылающих светил!

Давай не будем замечать и слушать,
Отложим неотложное под стол!
И вывесим распахнутые души
Проветрить на соседский частокол...

* * *

Если бы дали мне волю,
я б в Красную Книгу Поэтов
Всех, провинции скромных певцов,
без разбору занес,
Не за поиски рифмы,
размера и умных: ответов,
А за строки, умытые соком
весенних берез,
За крапивы пучок,
что с бумаги ступни обжигает,
За ветра, что на желтых
страницах газеты шумят,
И за старый колодец
в десятке шагов от сарая,
Где мальчишки рыбацкие
снасти весной мастерят,
За дыхание жизни,
до боли простой и могучей,
Что вливается в строки
и дарит блаженную грусть,
Всем провинции скромным певцам,
коль представится случай,
Я до самой земли
за творения их поклонюсь.

г.Буй

Эпилог «ЕСЛИ СПРОСИШЬ МЕНЯ...»

Владимир Костров

* * *

Две берёзы над жёлтой нивой,
Три иконы на чёрной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелено сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.
Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.
Ухожу под другое начальство,
Только буду жалеть о былом.
Слаще русского горького счастья
Ничего нет на шаре земном.

Михаил Базанков

ИЗДАЛЕКА ЧЕРЕЗ ВЕКА...

*Посвящается юбилею
писательской организации*

Русская литература от древнейших времен всегда имела родниковые истоки в провинции, была художественной летописью народной жизни. История и литература анализируют пережитое определенной земной территорией. Несколько лет подряд на костромской земле собираются ученые историки, философы, писатели, педагоги, служители Русской православной церкви на конференции, посвященные исследованию проблем взаимодействия центра и провинции. Эти Романовские чтения рассматривают процессы трансформации российской государственности в кризисные периоды, анализируют пути возрождения независимости и величия России.

Костромская губерния готовит празднование исторического юбилея — 400-летие окончания Смутного времени. В почёте — исторические реликвии... В стенах Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря 14 марта по старому стилю 1613 года был благословлен на царствование Михаил Романов. Теперь под особым вниманием выдающийся памятник древнерусской архитектуры и искусства, возрастающий из глубины веков в течение семи столетий монастырь (ныне музей-заповедник), своим обликом, летописью, фондом, обогащенным вкладами Годуновых и Романовых, содержит память о сложных событиях. Этот хранитель шедевров монументально-декоративного искусства, рукописных книг, произведений, созданных костромскими иконописцами во главе с Гурием Никитиным, считается жемчужиной «Золотого кольца». А Кострома бывала столицей, именуется колыбелью царских династий. Потомки часто вспоминают теперь патриота земли русской Ивана Сусанина, живописуют его, спасающего призванного на престол юного Михаила Романова.

Наша провинция значилась княжеством и наместничеством. Под многими переделами количество уездов то возрастало, то уменьшалось. В 1797 году Павел 1 создал Костромскую губернию, одну из самых крупных, исторически значимых, самобытных. Земля наша — целая страна тысячи рек и озёр, страна лесная, льняная, молочная, сыродельная, ювелирная... и литературная. Здесь костромские родственники Пушкина, Лермонтова, Л.Толстого имели вотчины и усадьбы..

Возрастающий интерес к истории провинции, её роли в становлении культуры и государственности опирается на конкретные судьбы. Под пристальным вниманием вспоминаем всё чаще А. Аблесимова, П. Вяземского, Н. Грамматина, П. Катенина, А. Готовцеву, С. Максимова, П. Свинына, А. Писемского, А. Островского, Ю. Жадовскую, Н. Некрасова, П. Флоренского, В.Розанова, Вс. Иванова, И. Касаткина, Е. Честнякова, В.Розов.

Через века складывалась история костромской литературы. В судьбах земляков светит взаимное внимание столицы и периферии, особенно активно в Пушкинскую эпоху. Для подтверждения — факты. А. С. Пушкин писал в Кологрив. А Павел Катенин ответно 9 мая 1825 года сообщал любезнейшему Александру Сергеевичу: « В конце зимы жил я в Костроме и с прискорбием услышал от дяди твоего, тамошнего жителя, что ты опять попал в беду и поневоле живешь в деревне... На прошедшей почте князь Николай Сергеевич Голицын прислал мне из Москвы в подарок твоего «Онегина». Весьма нечаянно нашёл я в нём моё имя...».Позднее «опальный изгнанник» сообщал о своей «горькой судьбине» из Ставрополя и снова — из своего имения под Кологривом...

Были другие интересные связи через альманахи и журналы того века. Стихи Анны Готовцевой, например, печатались в альманахе «Северные цветы», были замечены Павлом Вяземским: «Но в вас, любимице наук,/ С плодом цвет свежий неразлучен:/ С улыбкой вашею созвучен/ И стих ваш, сердца чистый звук.» Позднее Юлии Жадовской посвятил одну из своих статей критик Н. А. Добролюбов в журнале «Современник». Литературоведы находят подобные заинтересованные связи и в других творческих судьбах костромичей.

В каждом даровании заложен потенциал глубокого откровения, для реализации его необходимы определенные условия, особое настроение и самочувствие. Все высокие вопросы неразрешимы без обращения к приземленной повседневности. Постепенно учишься понимать других, философски анализировать происходящее. За любимым делом возрастает невольное стремление дать правдивую картину бытия на расстоянии, которое не удручает скверными подробностями, не нарушает душевное равновесие окружающих. И оказывается вдруг, что повествовательные подробности, бытовые детали, пейзажные состояния, естественное поведение персонажей выстраивают литературное пространство по параметрам единства земной жизни в доступном для восприятия и осмысления историческом периоде. .

Сегодня внимание только на поэзии. В двадцатом веке различными изданиями прописаны костромичи старшего поколения Сергей Марков, Мария Комиссарова, Николай Соколов, Галина Милова, Евгений Старшинов, Александр Часовников, Николай Колотилов, Виктор Куликов, Николай Востров, Василий Старостин и представляющие вторую волну: Владимир Костров, Вячеслав Шапошников, Виктор Лапшин, Сергей Потехин, Александр Целищев, Анатолий Беляев, Леонид Попов, Нина Снегова, Татьяна Иноземцева, Елена Балашова, Юрий Бекишев, Владимир Леонович, Станислав Михайлов, Александр Бугров, Владимир Максимов, Павел Мельников и другие.

Поэзия и проза прорастают в сочувствии естественному человеку, потому при любых обстоятельствах существует, сохраняется изданная хотя бы малыми тиражами провинциальная откровенность и доброта — неучтенная в обзорах литература создается на периферии всегда. Столичные специалисты в ней находят опять подлинное, «не московское» лицо народа. Ученые ценители признали: «Это судьба — деление литературы на столичную и провинциальную». И потому, не дождавшись государственного внимания, пока не зачерствела душа, различает голоса преемственно понимающих и любящих тихую родину, «край родной долго-

терпенья», местные издания обозначали талантливых современников по всей российской периферии. «Провинция... - Не много и не мало./ — На тыщи вёрст — провинция одна! / А мы — её народ — про-вин-ци-алы!/ И в нас она, как свет, отражена» (Вячеслав Шапошников). Мы работали самостоятельно на сохранение духовного и культурного наследия. В первую очередь, как обычно, пробивалась поэзия. Труднее было держать на должной издательской основе произведения прозы, создающие панораму народной жизни под нравственным и философским осмыслением.

Но необходимо аналитически держать на памяти ранее изданные в столице романы, сборники повестей, рассказов, критические статьи Сергея Маркова, Александра Зиновьева, Константина Абатурова, Владимира Корнилова, Игоря Дедкова, Евгения Старшинова, Николая Алешина, Виктора Хохлова, Евгения Осетрова, Вячеслава Шапошникова, Олега Куваева, Михаила Базанкова, Юрия Лебедева (Жизнеописание И.Тургенева), Бориса Бочкарева, Юрия Грибова, Леонида Фролова, Ольги Гуссаковской, Леонида Воробьева, Юрия Куранова, Бориса Гусева, Алексея Румянцева, Василия Бочарникова, Виталия Пашина, Олега Каликина, Василия Травкина, Михаила Зайцева, Олега Хомякова, Павла Румянцева, Евгения Степаненко, Романа Семенова, Владимира Старателева и других земляков.

На переходах из двадцатого в новый век разгулялась непогода, сквозили суховеи. «Мне казалось, пытали огнем/ И тьмою тюремного крова,/ Чтобы замерли в сердце моём/ Истоки могучего слова».(Сергей Марков). По временным магистралям громыхали порожняки. Спешно уплывали пароходы. Но оставались берега, по низким берегам притоков великой реки — забытые селения. Не в дачных особняках, а в землянках даже — неизвестные певцы будто бы молчали. «Высоких слов пустая позолота, /Высоких мыслей непростимый грех.../ Да что с того, что сердцу петь охота,/ Когда надежно заперт слух у всех?» (Леонид Попов). Невозможно не чувствовать, не слышать одну беду на всех. В широком поле, под единым небом нельзя не понять близкий голос страдающего современника, не знать территорию близкой души даже под тревожным ветром, когда «голос относит назад...»

Не спеши, говорю, не спеши
И поймешь осененный слезою, —
Кто — то должен курлыкать в глуши,
Чтобы мир устоял под грозой.

Волею судьбы, как наивный настойчивый издатель, сегодня вспоминаю литературу на веревочке — малые книжицы в серии «Литературная Кострома», выпускаемые прицепом к писательской газете и альманаху. На переходе между веками я окликал известных и неизвестных костромских поэтов и прозаиков скромными изданиями — почти сотней таких вписаны они в историю не только костромской литературы.»Не спеши, говорю, не спеши, /Дай доверию к сердцу пробиться, /Сокровенное чудо души / За обычной обложкой хранится». Сначала газета с приложениями в течение пяти лет, затем четырнадцать выпусков альманаха с мечтой перейти к выпуску литературно-художественного журнала, целевые и тематические сборники, выпуски литературных объединений — вот и сложилось зафиксированное, не утраченное под «суховеями» творческое наследие.

Слышатся, тревожат и радуют голоса многих... И в поэзии и в прозе. Издание поэзии «экономичнее» Проза молчаливо лежала в глубоких трюмах, кто-то уже говорит: устарела... Но она — история в судьбах и философия времени в художественных образах. Если не издана, в тиражах не замечена, будто бы не существует и в культурном наследии не учитывается? Не востребована, не прочитана и не принимается во внимание на общем поле российской словесности. Невольно оглядываешься в давние времена, сравнивая: «прежде и теперь». Готовясь к юбилею нашей творческой общины, заглянул в историю костромской литературы, вспомнил славные имена от семнадцатого века до наших дней. Надеюсь, эти заметки не останутся без внимания литературных объединений в Вохме, Павине, Поназыреве, Шарье, Парфеньеве, Чухломе, Буге, Солигаличе, Нерехте, Волгореченске, Красном-на-Волге, в библиотеках, университетах и школьных студиях.

Появляется, возвращается внимание к Слову... Костромская литература имеет свою особенность, она прочитывает-

ся в накопленном наследии. Из него и прорастает «фактура» долгожданного литературно-художественного журнала, созданного по нашей мечте и обеспеченного замыслами губернатора Игоря Николаевича Слюняева. Есть и другие приметы положительного движения. Первого марта мы представляли москвичам два периодических издания — «Страницы времен» и «Кострома литературная». В Центральном доме литераторов говорили о знаменитых земляках и называли новых авторов. Продолжаем разговор по истории Отечества и литературе на конференциях, областных творческих семинарах, на поэтических вечерах и встречах с читателями в районах.

Накоплен определенный опыт проведения Дней литературы. — пришло время возвращаться к начатому накануне нового века. Помнятся встречи, посвященные А.С. Пушкину, они стали настоящими праздниками для всех, кто участвовал. Об этом благодарно писали нам из районных центров. «Ваши выступления запомнятся надолго. Побывав на встречах с вами, мы еще раз убедились в том, насколько значимо слово писателя, какое глубокое воздействие оно имеет на людские души. — Писали нам из древнего Галича. — Мы горды тем, что костромская земля столь богата талантливыми людьми... Мы благодарим вас за ваше высокое стремление возвратить нас к национальным традициям, духовности и святыням, за доставленную радость общения, за возвращенную уверенность в том, что общими усилиями мы осуществим нравственное возрождение Отечества...»

Не анализируя особенности литературного процесса в провинции, обращался к судьбам тех, кто рожден на костромской земле или творческими откровениями от этой земли был удачлив и причислен в ряды творцов классической литературы. Костромские писатели находят деловые основания для вывода: и под давлением новых особых обстоятельств наша литература жила вниманием к русскому человеку, земными заботами, историей, правдой, национальной памятью, верой и чувством родного естественного Слова. обстоятельно и благодарно вспоминаем, чтобы ни под каким надуманным предлогом новые активисты не перечеркнули творческие традиции, не очерняли владеющих особым

художественным вкусом и не желающих подчиняться литературной конъюнктуре.

* * *

Вспоминая судьбы предшественников, словно бы проходишь по историческим вехам из далекого прошлого в новый век и невольно обнаруживаешь некоторые закономерности формирования трагических обстоятельств. Сходные трагедии пришлось переживать и в золотом XIX веке даже ведущим русским литераторам. Остались и недосказанные судьбы. Поэты умолкали на полуслове, оказывались неудачниками — владеющие разнообразным дарованием не свершили своего предназначения, тратили силы на борьбу с непониманием и страдали под настоящей травлей. Но сохраняли под внешней грубостью давшееся жизненным опытом прямоту и здравомыслие. О таких судьбах прекрасно сказано в одном из самых горьких стихотворений Павла Катенина:

Как лебедь восстаёт белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды —
Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила.

Трагедии повторяются в каждом веке. Многих начинающих, даже самых одаренных, может коснуться общественный приговор — время каждому воздаст по уровню откровений.

Сегодня многим кажется, что в литературе дебютировать легко. Начинающие идут «за роем рой» в надежде: их сразу заметят, возьмут на учет, чтобы заботливо лелеять — будто и творческие объединения для того существуют. Есть для размышлений на эту тему повод — предстоящий юбилей Костромской областной писательской организации. Становление начато деятельностью Александра Павловича Алешина в двадцатых годах прошлого века. Он был избран делегатом на первую Конференцию Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей и создавал костромское отделение этой организации. С 21 года в Костроме существовал клуб литературной студии, работала писательская группа, в которой была заметна творческая активность Александра

Алешина. В 1929 году с организаторскими целями его перевели в Иваново (тогда уже были изданы его книги в Костроме и Москве). Накануне первого съезда советских писателей в Иваново состоялась региональная конференция литераторов, подготовленная оргкомитетом. Юридически оформленное отделение Союза писателей Ивановской промышленной области объединило верхневолжских работников литературы.

Костромская область, восстановленная как самостоятельная административная территория, заимела своё издательство в 1946 году, тогда начал выходить литературный сборник «Кострома» (тираж 15 тысяч экземпляров). Об этом рассказывал в своих заметках член редколлегии возрожденного в 1997 году альманаха К. И. Абатуров, бывший директор Костромского книжного издательства (см. наш выпуск альманаха «Кострома». №1, 1997 г).

Год появления литературного альманаха, других коллективных сборников, первых книг, выпущенных местным издательством, сразу же после Великой Победы был отмечен активизацией творческой жизни. Книги выходили и в годы войны. Но организационную работу на новый уровень подняли вернувшиеся фронтовики. Даже только эти, упомянутые факты, свидетельствуют о положительном опыте, убеждают в необходимости восстанавливать сотрудничество, творческие обмены костромичей с писателями Иванова, Ярославля, Владимира (Было у этих областей общее Верхне-Волжское издательство). Бывали творческие встречи, совместные дни литературы в Кировской, Горьковской, Вологодской, Мурманской областях, ездили костромичи даже на Дальний Восток.

Наши соседи уже отметили юбилеи своих организаций. А Костромская областная организация была официально оформлена в структуре Союза писателей РСФСР 3 июля 1961 года . В ежегодных костромских изданиях очевидно желание рассказывать миру о самочувствии земляков. Литературные сборники «Кострома», «По праву памяти и долга», «Именной словник», Антология, книги прозы, поэзии, литературоведения и публицистики, новые журналы обозначают творческий потенциал. Региональная растущая организация,

многочисленный литературный актив оберегают память о предшественниках, работают на просвещение, воспитание, культуру и художественное наследие.

Но повседневность заставляет писателя менять масштаб размышлений: от общего переходить к единичному. Из любой поездки от литературных «плантаций» раздумчиво возвращаешься на костромские поляны. Все-таки происходят перемены: готовится закон о творческих Союзах, региональные организации и в ранге общественных уже работают под административным и финансовым вниманием местных администраций.

Писательское дело уединенное. Писатели — певцы родного края по призванию, а не массовики-затейники, они должны заниматься работой, которую никто за них не сделает. Но «беда за бедой, словно злые птицы, за напастью новая напасть»... Региональная литература при многих известных именах и достоинствах превращена в неостребованный материк. Она конкретными изданиями еще не вписана в программы культурного наследия.

Результаты литературного труда не сразу получают внимание: сотворенное еще надо воспроизвести, издать — тиражировать и, по современным условиям, «раскрутить». «На голодном пайке» годы проходят. А выживать надо, потому что творческий работник существует не для себя только. Необходимый он человек, призванием избранный. Государственный. И право на достойную жизнь в цивилизованном государстве имеет.

Не только писатели провинций, но и обласканные особым вниманием столичные авторитеты заговорили о том, что общество и власть должны понимать, учитывать роль литературы, поворачиваться лицом к базовым ценностям, от которых зависит будущее...

Содержание

Леонид Попов	3
Виктор Лапшин	4
Вадим Кожин	6
Александр Бурлаков	16
Александр Лобанов	20
Павел Мельников	23
Анатолий Смердов	25
Наталья Мусинова	28
Вячеслав Арсентьев	30
Наталья Мухина	33
Владимир Проскуряков	35
Алексей Скуляков	37
Ольга Запольских	39
Валентина Виноградова	44
Виталий Смирнов	45
Вера Клевич	46
Нина Артемова	48
Галина Божкова	49
Евгения Зарубина	52
Елена Шестакова	54
Вячеслав Грашнев	57
Сергей Филиппов	59
Людмила Юрьева	60
Евгения Николаева	62
Николай Максимчук	63
Ольга Колобова	67
Татьяна Жадова	71
Сергей Уткин	73
Вячеслав Дробышев	76
Валентина Назарова	78
Екатерина Каргопольцева	80
Андрей Кубарь	82
Мария Щипалова	84
Леонид Чилипенко	87
Вова Грошиков, 9 кл.	90
Ирина Скородумова	91
Сергей Малегин	93
Антонина Левицкая	95
Ольга Колова	97
Михаил Душин	99
Владимир Костров	101
Михаил Базанков	102

ВСТРЕЧА В НОВОМ ВЕКЕ

Литературно-художественный сборник

**Общее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков
Корректурa - Е.Зайцева
Дизайн, компьютерный набор и
оригинал-макет — А.М.Базанков**

**Оформление по графике художников
В.Сергеева, М.Базанкова**

**Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 10, Усл.п.л. 7. Заказ .
Тираж 500 экз.**

**Отпечатано в ГП «Областная типография им. М.Горького»
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.**